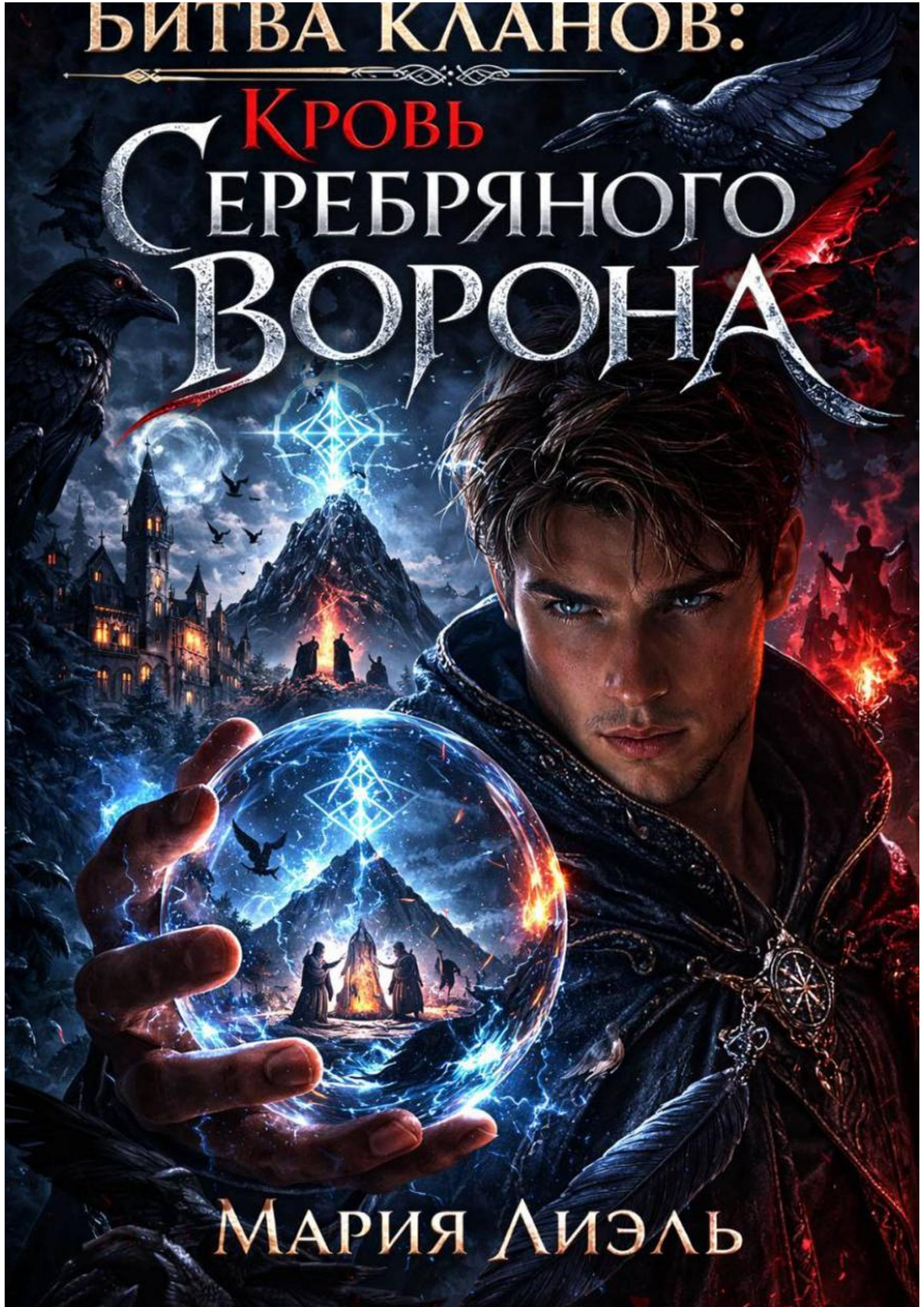

БИТВА КЛАНОВ:

КРОВЬ

СЕРЕБРЯНОГО
ВОРОНА

МАРИЯ ЛИЭЛЬ

Мария Лиэль

**Битва кланов: кровь
Серебряного Ворона**

«Автор»

2026

Лиэль М.

Битва кланов: кровь Серебряного Ворона / М. Лиэль — «Автор»,
2026

Тьма сгущается над землями кланов. Тайный совет ведёт опасную игру, а созданная им сила начинает пожирать души и подчинять волю сильнейших магов. Мир стоит на грани катастрофы, и старые союзы рушатся один за другим. Когда правда о заговоре начинает всплывать на поверхность, наследнику древнего клана приходится сделать невозможное — объединить тех, кто веками был врагами. Клятва на крови связывает разрозненные семьи в хрупкий союз, но чем ближе они подходят к разгадке, тем яснее становится: за всем происходящим стоит сила, которую почти невозможно остановить. В глубинах катакомб пробуждается источник тёмной магии, а тени уже выбирают новые жертвы. В мире, где магия — оружие, а каждая клятва может изменить судьбу целых народов, начинается борьба за власть, свободу и саму душу этого мира. Эпическое фэнтези о кланах, магии и цене единства.

© Лиэль М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Пробуждение в чужом теле»	5
Глава 2. «Герб угасающего рода»	13
Глава 3. «Тайный дневник отца»	20
Глава 4. «Баллада о ветре и крови»	27
Глава 5. «Цена силы»	36
Глава 6. «Ловушка на охоте»	43
Глава 7. «Союзник из тени»	53
Глава 8. «Танец с Анастасией»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Лиэль

Битва кланов: кровь Серебряного Ворона

Глава 1. «Пробуждение в чужом теле»

Голова раскалывалась, будто после недельного запоя. Алексей с трудом разлепил веки и замер, не веря своим глазам.

Он лежал на огромной кровати с балдахинном, под расшитым покрывалом с вышитыми воронами – словно попал в декорации исторического фильма. Вокруг раскинулась роскошная, но запущенная спальня: резная мебель покрыта слоем пыли толщиной с палец, тяжёлые бархатные шторы порваны в нескольких местах, а над камином висел герб с изображением ворона – но трещина рассекла его пополам, словно кто-то нарочито символично намекнул: «Клан в упадке, дружок».

«Где я?..» – мысль прозвучала в голове на удивление чётко, но тут же нахлынули чужие воспоминания: усадьба клана Воронцовых, скучные уроки магии крови, вечный конфликт с кланом Шуйских...

Алексей резко сел, и мир поплыл перед глазами – комната закружилась, стены будто направились со всех сторон. Он инстинктивно схватился за край кровати, чтобы не упасть. Ладони вспотели, дыхание сбилось.

Ощущения тела были непривычными – слишком лёгкими, слишком юными. Он посмотрел на свои руки: тонкие пальцы подростка, короткие ногти, на запястье – едва заметный шрам в форме полумесяца.

«Мне 35, я инженер из Москвы... или нет? Теперь мне 15, и я Алексей Воронцов, наследник угасающего клана?»

Он провёл ладонью по лицу, пытаясь упорядочить мысли, но в голове царил хаос – словно два мира, две жизни столкнулись в жестокой схватке за право быть реальностью.

Вот он сидит в офисе, привычно склонившись над чертежами нового механизма: пальцы скользят по линиям на ватмане, за окном гудит Москва – сигналы машин, голоса прохожих, далёкий гул метро. Рядом на столе дымится чашка кофе, коллега бросает через плечо: «Лёха, глянь-ка, тут угол не сходится...»

Мгновение – и картинка дрожит, расплывается по краям, а вместо офисного кресла под ним жёсткая скамья в зале для магических практик. Строгий учитель с седыми висками хмуро качает головой: «Воронцов, в третий раз повторяю – концентрация на источнике, а не на своих мыслях! Произнеси формулу ещё раз, чётко и уверенно!» Воздух пахнет ладаном и озоном, на пальцах покалывает от сдерживаемой энергии.

Снова рывок – и он снова в офисе. Коллеги собрались у кулера, оживлённо обсуждают планы на выходные: кто-то зовёт в бар, кто-то хвастается билетами на концерт. Знакомый смех, запах офисной еды из микроволновки, тихий гул компьютеров...

Но не успевает он ответить, как мир вновь перестраивается: холодный ветер усадьбы бьёт в лицо, в руках – тренировочный меч. Он стоит во дворе, окружённый ровесниками из клана Шуйских. Один из них, с высокомерным прищуром, бросает: «Что, Воронцов, опять будешь махать мечом, как огородное пугало?» Раздаётся дружный смех, кто-то пихает его в плечо – не сильно, но унижительно. Солнце слепит, отблески от клинков мелькают перед глазами, а где-то в глубине души закипает злость пополам с обидой...

Воспоминания сталкивались, переплетались, наслаивались друг на друга, разрывая сознание на части. Алексей сжал виски пальцами, пытаясь остановить этот вихрь, но образы продолжали сменяться – Москва и Новый Аквилон, офис и магический класс, коллеги и

насмешливые ровесники – две жизни, два Алексея, будто сросшиеся в одном теле и не желающие уступать друг другу.

– Нет, этого не может быть, – прошептал Алексей, сжимая кулаки. – Это какой-то кошмар. Сейчас я проснусь...

Он ущипнул себя за руку – больно. Дёрнул за волосы – ещё больнее. Потрогал резные украшения на изголовье кровати – дерево было твёрдым, настоящим.

«Спокойно, – он попытался взять себя в руки. – Давай рассуждать логически. Что я знаю наверняка?»

Но логика отказывалась работать в этом безумном мире. Алексей глубоко вдохнул, задержал дыхание, медленно выдохнул – как учил тренер по йоге в прошлой жизни.

Скрип паркета под босыми ногами, запах пыли и старых пергаментов – всё было слишком реальным. Слишком осязаемым. Слишком... чужим.

Он огляделся по сторонам, словно надеясь найти подсказку. Взгляд зацепился за портрет на стене – суровое лицо мужчины с гербом клана в руках. Отец? В памяти всплыло имя: «Кирилл Воронцов». Но это было не его воспоминание

– оно принадлежало кому-то другому.

Алексей подошёл ближе. Кирилл Воронцов смотрел с полотна строго и спокойно, а в руках он держал щит с чётким изображением: чёрная ворона на фоне ночного неба, в клюве – золотое кольцо, а под ней – три звезды на синем поле. Герб был выписан детально, каждый элемент говорил о силе и мудрости рода.

Алексей провёл пальцем по раме, чувствуя резьбу в виде переплетающихся ветвей дуба – символа стойкости. Он вспомнил, как в детстве отец рассказывал ему о каждом элементе герба:

– Ворон – это наш страж, – говорил Кирилл. – Он видит то, что скрыто, и помнит то, что забыто. Кольцо в его клюве – наша клятва: мы храним память о предках и держим слово. А звёзды – это наши цели. Пока они светят, род Воронцовых не падёт.

Теперь эти слова обрели новый смысл. Герб на портрете словно ожил, будто напоминая: ты не один. За тобой стоят поколения Воронцовых, и их сила – в твоей крови.

Алексей расправил плечи. Страх и неуверенность отступили. Он посмотрел в глаза портрета и тихо произнёс:

– Я не подведу тебя, отец. И не дам угаснуть звёздам нашего рода.

Герб на полотне будто чуть заметно сверкнул, словно подтверждая его клятву.

– Я не понимаю... – голос прозвучал хрипло, надтреснуто. – Как такое возможно? Почему я помню две жизни сразу?

В груди нарастала паника – горячая, удушающая. Алексей почувствовал, как к горлу подступает ком, а ладони снова стали влажными. Он сжал и разжал кулаки, пытаясь сосредоточиться на физических ощущениях.

«Дыши. Раз – вдох. Два – задержка. Три – выдох. Ещё раз. Спокойно. Подумай, что делать дальше».

Но мысли разбегались, как испуганные мыши. Он провёл рукой по покрывалу – ткань была мягкой, но местами протёртой. Поднял взгляд к окну – за ним простирался незнакомый город. К реальности невозможно было привыкнуть. Она не укладывалась в голове.

– Ладно, – он заставил себя встать, хотя ноги дрожали. – Сначала разберусь, где я. Потом – как я здесь оказался. А потом... потом придумаю, как вернуться домой.

Но даже произнося эти слова, Алексей понимал: что-то подсказывало ему – домой, в привычную жизнь, пути уже нет.

Алексей медленно подошёл к окну. Каждый шаг давался с трудом – тело будто не слушалось, движения были неловкими, непривычными. Он ухватился за резную оконную раму, чтобы удержать равновесие, и наконец взглянул на город, который теперь должен был называться домом.

За окном раскинулся Новый Аквилон – величественный и загадочный, словно сошедший со страниц фантастической книги. Над улицами парили дирижабли разных размеров: от небольших пассажирских каров с прозрачными гондолами до массивных грузовых судов, несущих на бортах гербы торговых гильдий. Их магические двигатели мерцали голубоватым светом, оставляя за собой лёгкий дымок, который тут же рассеивался в утреннем воздухе.

Улицы освещали плавающие фонари – не просто источники света, а настоящие произведения магического искусства. Они медленно дрейфовали над мостовыми, меняя цвет от глубокого синего к золотому, от изумрудного к пурпурному. Некоторые фонари кружились в причудливом танце, другие выстраивались в линии над главными проспектами, указывая путь.

Ниже, на уровне земли, кипела жизнь, полная движения и красок. По мощёным улицам неторопливо ползли паровые кареты с блестящими латунными деталями – их механизмы пощёлкивали и постукивали, а из труб с шипением вырывались клубы белого пара, тут же рассеивающиеся в утреннем воздухе.

Пешие горожане спешили по делам, создавая пёстрый калейдоскоп образов: вот статный мужчина в строгом деловом костюме деловито сверяется с карманными часами; следом проплывает фигура в длинном магическом плаще с капюшоном – ткань мерцает от нанесённых рун, а под капюшоном угадывается сосредоточенное лицо; мимо пробегает группа студентов в форменных мантиях с гербами академии, оживлённо что-то обсуждая.

В толпе сновали разносчики газет, энергично размахивая свежими выпусками и зычно выкрикивая заголовки утренних ведомостей: «Сенсація у Романовских – новый дирижабль с тройным двигателем!», «Предупреждение магов-метеорологов: сегодня возможны всплески магического фона!», «На рынке специй – прибытие каравана с пряностями из восточных земель!».

Вдоль тротуаров раскладывали товары уличные торговцы. На раскладных прилавках магические артефакты соседствовали с фруктами и специями: рядом с мерцающими кристаллами, накапливающими энергию, лежали сочные гранаты и гроздь янтарного винограда; рядом с амулетами от сглаза красовались мешочки с корицей и шафраном, источающими пряный аромат. Старик-алхимик предлагал эликсиры в склянках – одни переливались всеми цветами радуги, другие таинственно мерцали в тени; неподалёку мальчишка торговал свежими булочками, от которых шёл аппетитный запах ванили и корицы.

Над улицей витали звуки и запахи большого города: перестук колёс паровых экипажей, звон колокольчиков на магических вывесках, гомон толпы, смех детей, зазывные крики торговцев. Воздух был насыщен ароматами – дымом паровых машин, пряностями, свежеспечённым хлебом, лёгким озоновым привкусом от работающих магических устройств. Всё это сливалось в единую симфонию Нового Аквилона – города, где магия и технология шли рука об руку, создавая неповторимый ритм жизни.

Вдали, на холмах, величественно возвышались шпили усадеб могущественных кланов – каждый со своим характером и аурой, словно воплощение силы и истории своих владельцев.

Золотистые купола Романовских первыми бросались в глаза: они сверкали на солнце так ярко, будто были отлиты из самого чистого золота, и словно напоминали всему городу о неизбежном богатстве и влиянии этого рода. Усадьба напоминала настоящий дворец – с просторными террасами, украшенными резными перилами, сверкающими фонтанами, чьи струи переливались на свету, и роскошными садами, где росли экзотические растения, привезённые из дальних земель. Над резиденцией то и дело кружили почтовые голуби с алыми лентами на лапках – верный знак того, что здесь кипит жизнь, а важные послания прибывают и отправляются ежечасно.

Чуть левее, на соседнем холме, мрачно вырисовывались чёрные башни Шуйских – острые, угловатые, похожие на кинжалы, воткнутые в небо. Их усадьба меньше всего походила на жилище аристократов: скорее это была настоящая военная цитадель, готовая к долгой осаде.

Узкие бойницы вместо окон, толстые стены из тёмного камня, массивные ворота, укреплённые металлическими полосами, – всё говорило о том, что клан Шуйских привык полагаться не на роскошь, а на силу и готовность к бою. У входа застыла стража в тяжёлых тёмных доспехах: фигуры неподвижные, суровые, с оружием наготове. От всей усадьбы веяло холодной, почти осязаемой угрозой – казалось, сама земля здесь была пропитана духом соперничества и непреклонной воли.

На третьем холме, в лёгкой дымке утреннего тумана, переливались серебристые колонны Голицыных. Они мерцали в лучах восходящего солнца, создавая вокруг себя едва заметное сияние, будто сотканное из лунного света. Архитектура клана сочетала в себе изысканное изящество и несокрушимую мощь: изящные арки, витражные окна с магическими узорами, пропускающие разноцветные блики, скульптуры мифических существ у парадного входа – грифонов, драконов, фениксов, словно застывших в вечном дозоре. Над усадьбой плавно парили несколько небольших учебных дирижаблей с гербами клана – их магические двигатели едва слышно гудели, оставляя за собой лёгкий дымок. Было ясно: здесь располагалась одна из лучших школ магии крови, где молодые адепты постигали тайны рун и учились управлять потоками энергии.

Три усадьбы, три характера, три взгляда на мир – они возвышались над Новым Аквилонном, как три столпа, поддерживающие хрупкий баланс сил в городе. Их шпили пронзали небо, напоминая каждому жителю: в этом мире власть измеряется не только золотом, но и силой, мудростью, готовностью сражаться и учиться.

Над городом витал особый, неповторимый аромат – причудливая смесь запахов, в которой переплетались отголоски разных миров и эпох.

Первым в нос ударял густой, обволакивающий запах горячего хлеба из пекарен – тёплый, уютный, с лёгкой ноткой солода и хрустящей корочки. Он словно манил свернуть за угол, где румяные караваи и пышные булочки только что вытащили из печи.

Чуть дальше к нему примешивался терпкий, экзотический букет благовоний с восточных рынков: сладковатая корица, острый имбирь, душистый кардамон и что-то неуловимо смолистое – возможно, ладан или мирра. Эти ароматы струились в воздухе, создавая ощущение далёких караванных путей и загадочных земель за горизонтом.

Над ними, словно невидимая нить, протягивалась тонкая струйка озона – характерный металлический привкус магии. Он исходил от работающих устройств: плавающих фонарей, магических вывесок, защитных амулетов на витринах. Этот запах напоминал о грозовой свежести после молнии, но был более стабильным, постоянным – частью городской повседневности.

А внизу, у мостовых, к симфонии ароматов примешивался дым от паровых машин – не едкий и грязный, а скорее мягкий, с оттенками угля и горячего металла. Он смешивался с запахом разогретого камня на улицах, смазки механизмов и чуть заметной гарью от топок дирижаблей, парящих в небе.

Все эти запахи сливались воедино, создавая уникальный дух Нового Аквилона – города, где древняя магия соседствовала с паровыми технологиями, восточные пряности – с домашним хлебом, а грозовая свежесть волшебства – с теплом человеческих улиц. Воздух казался почти осязаемым: он окутывал, обволакивал, рассказывал историю этого места без слов – достаточно было просто вдохнуть поглубже, чтобы почувствовать пульс города во всей его многогранности.

Воздух был свежим, с лёгкой примесью соли – похоже, море находилось не так далеко. Где-то вдалеке слышался гудок большого дирижабля и отдалённый звон колоколов – вероятно, на главной площади били часы.

«Новый Аквилон... Так называется этот город», – всплыло в памяти.

Алексей невольно залюбовался панорамой, несмотря на всю странность ситуации. Но восторг быстро сменился тревогой: контраст между роскошью других кланов и упадком его собственного дома стал очевиден.

Он отошёл от окна и оглядел комнату ещё раз. На столе – разбросанные свитки с рунами, чернильные пятна, опрокинутый стакан. Перевернутый стул у стены. На стене – портрет отца: строгий взгляд, герб клана в руках. Лицо мужчины казалось знакомым и чужим одновременно.

«Значит, клан в упадке... Нужно поднять экономику, наладить отношения с соседями, победить врагов... И всё это в теле подростка с нулевым опытом управления кланом. Отлично. Просто игра „Цивилизация“, только без сохранений», – подумал Алексей. Взгляд его невольно вернулся к панораме города, где золотые купола Романовских особенно ярко блестели на солнце – как насмешка над нынешним положением Воронцовых.

Дверь бесшумно открылась. В комнату вошла женщина в строгом чёрном платье с серебряной вышивкой. Её волосы были собраны в тугий пучок, а глаза смотрели холодно и оценивающе – классический типаж «суровая наставница с тёмным прошлым».

– Вы проснулись, молодой господин, – её голос звучал ровно, без эмоций. – Я Марфа Голицына, ваша наставница по магии крови. Как вы себя чувствуете?

Алексей уставился на неё, лихорадочно вспоминая правила приличия аристократов из прочитанных когда-то романов.

– Э-э... нормально, – он прокашлялся. – А что произошло?

Марфа слегка приподняла бровь – этот жест, похоже, означал «я не верю ни единому слову».

– Вы потеряли сознание во время вчерашнего урока. Вы не помните?

«Вчерашнего урока? У меня вообще вчерашний день – провал...»

– Немного... – осторожно ответил он. – Голова ещё кружится.

– Это не оправдание, – Марфа скрестила руки на груди. – Вы наследник клана Воронцовых. Слабость недопустима.

– Да-да, конечно, – закивал Алексей. – Просто... знаете, бывает, память подводит. Особенно после того, как очнёшься в чужом теле в другом мире.

Марфа посмотрела на него так, будто он только что заявил, что луна сделана из сыра.

– Молодой господин, вы говорите странные вещи.

– А жизнь вообще странная штука, – философски заметил Алексей. – Но давайте не будем об этом. Что там с уроком?

Наставница вздохнула, явно решив не обращать внимания на его странности.

– Тогда проверим, что сохранилось в вашей памяти. Назовите три основные руны света.

Алексей лихорадочно перебирал воспоминания. «Руна сияния... руна мерцания... а третья?»

– Руна... блеска? – неуверенно произнёс он.

Марфа закрыла глаза, будто молясь о терпении.

– «Блеска»? Молодой господин, у вас точно всё в порядке с головой?

– Абсолютно, – бодро ответил Алексей. – Просто решил внести нотку креатива в магическую традицию.

– Креатива нам не нужно, – отрезала Марфа. – Нам нужно, чтобы вы не опозорили клан на предстоящем балу. Через неделю состоится приём у Романовских, и вы обязаны продемонстрировать хотя бы базовое владение магией.

– О, отлично, ещё и дедлайн, – пробормотал Алексей себе под нос. – Обожаю стресс.

– Что вы сказали?

– Ничего, ничего. Просто готовлюсь морально. Так что там с руной света?

Марфа протянула небольшой кинжал с гравировкой в виде капель крови. Лезвие отливало тусклым серебром, а рукоять была обмотана тёмной кожей с вытисненными рунами – на ощупь шероховатой и чуть тёплой, будто хранящей чьё-то дыхание.

– Для создания руны света нужно сосредоточиться на энергии внутри себя, сделать неглубокий порез на ладони и

направить силу через кровь, – её голос стал мягче, почти наставническим. – Помните: контроль интенсивности – ключ к успеху. Слишком много силы – будет откат, слишком мало – руна не активируется. И не забывайте о дыхании: вдох – подготовка, выдох – высвобождение энергии.

Алексей взял кинжал. Металл охлаждал пальцы, а гравировка слегка царапала подушечку большого пальца. Он сглотнул, пытаясь унять дрожь в руках. В памяти всплыл обрывок урока: «Руна света – основа основ. Если не справишься с ней, о более сложных заклинаниях можешь забыть».

Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание на три счёта, как учила Марфа, и аккуратно провёл лезвием по ладони. Боль пронзила руку резкой вспышкой – не острая, а тянущая, с металлическим привкусом во рту. Кровь выступила тёмной каплей, медленно растеклась по линии пореза.

Алексей закрыл глаза, пытаясь нащупать ту самую энергию внутри себя. Где-то глубоко, под рёбрами, будто тлеет уголёк – слабый, едва заметный. Он сосредоточился на нём, представил, как тепло поднимается по руке к ладони. Пальцами свободной руки начал выводить символы на коже – сначала едва касаясь, потом сильнее, размазывая кровь по коже.

– Концентрация... поток... связь с источником... – шептал он про себя, повторяя слова из уроков.

Руна замирала слабым голубым светом – сначала неуверенно, будто мерцающая свеча на ветру. Алексей почувствовал, как энергия течёт через него: тепло в груди, покалывание в пальцах, лёгкий гул в ушах. Он попытался усилить поток, представить, как свет становится ярче...

Но в тот же миг боль усилилась в десятки раз. Кровь на ладони запылала странным огнём – не обжигающим, а ледяным, пронизывающим до костей. Мир перед глазами потемнел, поплыли разноцветные пятна. В ушах зазвучал отдалённый звон, будто где-то били в колокол.

Алексей почувствовал, как подкашиваются ноги, и рухнул на колени. Ладонь пульсировала, руна мерцала всё слабее, пока окончательно не погасла с тихим шипением, оставив после себя едкий запах озона.

– Достаточно, – Марфа мгновенно оказалась рядом, подхватила его под локоть железной хваткой. Её пальцы были холодными, но уверенными. – Вижу, вам нужно больше времени на восстановление. Это не нормально. Ваша магия должна быть сильнее. Возможно, дело в травме или вмешательстве извне.

Она помогла ему подняться, поддерживая за плечи, и осторожно повела к кровати. Движения наставницы были отточенными, будто она не раз оказывала помощь после неудачных магических опытов.

– Ложитесь, – приказала она, усаживая Алексея на край кровати. – Глубокий вдох. Ещё один. Теперь медленно выдохните. Так, хорошо.

Марфа осмотрела его ладонь: порез уже начал затягиваться, оставив после себя тонкий розовый след и размазанные капли крови. Она достала из кармана платья небольшой платок с вышитыми по краям рунами, смочила его чем-то

пахучим и аккуратно протёрла кожу. Жжение тут же утихло, сменившись прохладной свежестью.

– Отдыхайте, – она поправила покрывало, слегка поправила подушку под головой. – Мы продолжим позже, когда силы восстановятся. А пока постарайтесь упорядочить мысли и прислушаться к внутреннему источнику. Он есть – просто вы пока не научились его слышать.

Её взгляд на мгновение смягчился, но тут же снова стал холодным и собранным.

– И запомните: магия крови – это не только сила, но и ответственность. Тот, кто не умеет её контролировать, рискует потерять себя. Отдыхайте.

Она повернулась и направилась к двери, но у порога остановилась, будто что-то вспомнив.

– И ещё, молодой господин... будьте осторожны с воспоминаниями. Иногда они могут быть опаснее любого заклинания.

С этими словами Марфа вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

Сознание затуманивалось, тело обмякло на кровати. Алексей закрыл глаза, пытаясь собраться с силами. В ушах всё ещё стоял отдалённый звон, а ладонь, несмотря на обработку Марфы, слабо пульсировала в такт биению сердца. Дыхание было прерывистым, каждый вдох давался с усилием, будто воздух стал гуще, плотнее обычного.

И тут периферийное зрение уловило движение в углу комнаты – там, где тени ложились особенно густо, у старого книжного шкафа с резными дверцами. Алексей невольно задержал дыхание и медленно повернул голову.

Там, у шкафа, колыхалась тёмная тень. Она не была просто отсутствием света – нет, она казалась живой. Слобно сотканная из дыма или чернильной тьмы, она шевелилась, пульсировала, будто дышала. Её очертания то расплывались, то вновь обретали чёткость, вытягиваясь в длинные щупальца, которые едва заметно подрагивали. Казалось, она наблюдает за ним – не просто так, случайно, а с каким-то холодным, расчётливым вниманием.

«Что это было? Игра света или что-то большее?» – пронеслось в голове.

Алексей попытался сфокусировать взгляд. В какой-то момент ему показалось, что в глубине тени мерцают два крошечных красных огонька – будто глаза неведомого существа. Он моргнул – огоньки исчезли. Но тень не исчезла. Она замерла на мгновение, словно уловив его внимание, а затем начала медленно растворяться в воздухе.

Сначала растаяли щупальца – одно за другим, как дым на ветру. Затем сама масса тени стала терять плотность, расплзаться клочьями, впиваться в стены и пол. Через несколько секунд от неё не осталось и следа – только слабый запах озона, похожий на тот, что возникал после неудачной попытки создать руну.

Алексей попытался подняться, но слабость сковала тело, будто кто-то наложил невидимые цепи. Руки дрожали, мышцы не слушались. Он сжал пальцы в кулаки, пытаясь вернуть контроль над собой, но это давалось с огромным трудом. Мысли путались, наплывали друг на друга:

«Может, это последствие отката?... Марфа говорила о возможных осложнениях...»

«Но тень... она была реальной. Я видел её!»

«А если это кто-то следит за мной? Кто-то из врагов клана?»

Он огляделся по сторонам, вглядываясь в каждый тёмный угол комнаты. Тени в углах теперь выглядели безобидно – просто игра света и тени. Но что-то внутри подсказывало: это не случайность. Что-то в этом мире знает о нём больше, чем он сам.

«Этот мир гораздо опаснее, чем кажется», – последняя мысль промелькнула перед тем, как он окончательно потерял сознание.

Последнее, что он уловил перед тем, как провалиться в темноту, – едва слышный шёпот, будто донёсшийся из ниоткуда:

– Он проснулся...

Звук был настолько тихим, что мог быть плодом воображения, но Алексей успел его услышать. И даже в забытии эта фраза застряла в сознании, как заноза, – тревожная, необъяснимая, пугающая.

Глава 2. «Герб угасающего рода»

Алексей медленно шёл по полутёмным коридорам родовой усадьбы, вслушиваясь в эхо собственных шагов. Тишина здесь была особенной – не спокойной, а напряжённой, будто дом затаил дыхание и ждал чего-то. Воздух казался густым, пропитанным годами и воспоминаниями, а тени в углах словно сгустились, пряча невысказанные тайны.

Он провёл пальцами по резному поручню лестницы – под подушечками пальцев осталась пыль, густая и мягкая, как пепел. Позолота на лепнине местами облупилась, обнажая серую основу, – следы времени, которые никто не спешил устранять. Пыльные гобелены с гербами предков висели криво, один из них был протёрт до дыр в самом центре, и сквозь прореху виднелась выцветшая стена. Алексей задержал взгляд на гербе: ворон, раскинувший крылья над мечом, – символ силы и бдительности. Теперь он выглядел жалким, почти насмешливым.

Из-за угла донеслись приглушённые голоса слуг. Алексей замер, прислушиваясь.

– ...молодой господин совсем не тот, что раньше, – шептал кто-то, и в голосе звучала не просто настороженность, а почти страх. – Будто подменили его. Или... не знаю, может, это магия какая?

– Тише ты! – шикнула вторая служанка, и Алексей уловил дрожь в её голосе. – Услышит... И что тогда? Мы и так на грани, а он... вдруг решит, что мы сплетничаем?

Голоса стихли, сменившись торопливыми шагами. Алексей вышел из-за поворота – слуги поспешно разошлись в разные стороны, избегая его взгляда. Один из лакеев, несущий стопку книг, при виде наследника вздрогнул, уронил ношу и, бормоча извинения, бросился прочь, даже не пытаясь собрать рассыпавшиеся тома.

«Прекрасно, – подумал Алексей, чувствуя, как внутри закипает горькое раздражение. – Меня боятся собственные слуги. Не уважают, не поддерживают – боятся». Он поднял одну из книг, стёр пыль с переплёта. «История великих побед клана Воронцовых» – гласила надпись на корешке. Алексей усмехнулся: «Победы... Где они теперь?»

Он направился в галерею предков. Длинные ряды портретов в массивных рамах тянулись вдоль стен – каждый изображал кого-то из Воронцовых, чьи деяния когда-то прославили род. Гордые лица, уверенные взгляды, руки, покоящиеся на гербовых щитах. Алексей узнавал черты: вот прадед, победивший в магической дуэли; вот дядя, подписавший торговый договор с восточными землями; вот двоюродная бабка, основавшая первую школу целителей в городе. Все они смотрели на него с холста – не осуждающе, но вопросительно: «Что сделаешь ты?»

Алексей остановился перед пустым местом в ряду. Рама была снята или спрятана – на стене остался лишь светлый прямоугольник, как шрам на коже. Там должен был висеть портрет его отца. Алексей провёл пальцами по контуру следа – гладкий, чуть тёплый. Почему его убрали? Позор? Страх? Или кто-то решил стереть память о нём?

Рядом, на одном из портретов, Алексей заметил едва заметную царапину – будто кто-то намеренно повредил изображение. Он провёл пальцем по следу: свежий, не успел покрыться пылью. Кто и зачем мог это сделать? Враг? Предатель внутри клана? Или просто чья-то глупая шутка? Но в этом доме не было места случайностям.

В конце галереи висело зеркало в потемневшей бронзовой раме. Алексей увидел своё отражение: подросток в одежде, которая казалась слишком официальной и тяжёлой для него – строгий камзол с гербовыми пуговицами, брюки, начищенные ботинки. В глазах – растерянность, тень сомнения, но он заставил себя выпрямиться, расправить плечи и принять вид наследника. Взгляд стал твёрже, подбородок поднялся чуть выше.

«Я должен научиться быть им, – твёрдо решил он, глядя в глаза своему отражению. – Не просто носить имя Воронцова. Не просто стоять во главе того, что осталось. Я должен вернуть роду честь. Даже если придётся сражаться в одиночку».

Он отвернулся от зеркала, последний раз окинул взглядом галерею – портреты, пустые места, следы времени – и направился к выходу. Шаги его теперь звучали увереннее, а в груди зарождалось что-то новое: не страх, не гнев, а холодная решимость.

Старая библиотека встретила Алексея запахом пергамента и воска – терпким, многослойным ароматом времени. Пахло древними книгами, чуть затхлостью сырых углов, но поверх всего этого витал тонкий аромат пчелиного воска, которым регулярно натирали деревянные стеллажи. Солнечные лучи пробивались сквозь высокие витражные окна, раскрашивая пол в причудливые узоры – синие, красные, золотые пятна медленно скользили по вытертому ковру.

У стеллажа с книгами, протирая пыль с корешков потрёпанных томов, стояла Аграфена – экономка усадьбы, служившая клану уже три поколения. Её седые волосы были аккуратно собраны в пучок, а простое тёмно-синее платье с белым воротничком выглядело безупречно, несмотря на работу. В руках у неё была мягкая тряпочка и баночка с воском – она бережно проводила ею по корешку старинного фолианта.

– Аграфена, – окликнул её Алексей, стараясь говорить уверенно, хотя внутри всё сжималось от тревоги. – Мне нужно с вами поговорить.

Женщина обернулась, и её суровое, изборождённое морщинами лицо смягчилось. Она внимательно посмотрела на Алексея, словно впервые за долгое время увидела в нём не просто мальчика, а наследника рода.

– Молодой господин! – она поклонилась, но в этом поклоне не было раболепия, лишь уважение и теплота. – Вы так выросли... Простите, я не сразу узнала. Время летит, а вы... вы стали так похожи на вашего деда.

– Расскажите мне правду, – прямо сказал Алексей, делая шаг ближе. Он сжал кулаки, чтобы унять дрожь в пальцах. – О положении клана. О долгах. Я должен знать всё. Без прикрас.

Аграфена вздохнула так тяжело, будто на её плечи внезапно легла вся тяжесть родового поместья. Она отложила тряпку и баночку с воском, жестом пригласила его сесть на старый кожаный диван у окна. Диван скрипнул под весом Алексея – он помнил, как в детстве сидел здесь с отцом, слушая истории о подвигах предков.

– Мы живём в долг, молодой господин, – начала она тихо, опустившись в кресло напротив. Её голос звучал ровно, но в глазах читалась боль. – Банкиры больше не дают кредитов без залога, а земли... земли уходят. Шуйские скупают их по бросовым ценам, пользуясь слабостью клана. Они знают, что мы не можем сопротивляться.

– Шуйские? – переспросил Алексей, чувствуя, как внутри всё холодеет. – Опять они?

– Да, – кивнула Аграфена, её пальцы нервно теребили край фартука. – Они ждут, когда мы падём, молодой господин. Как стервятники кружат над падалью. Ваш батюшка пытался противостоять им, но...

Она замолчала, подбирая слова, и в этой паузе Алексей услышал тиканье старинных часов в углу – мерное, неумолимое.

– Что произошло? – настаивал Алексей, наклоняясь вперёд. – Говорите прямо.

– Последний конфликт с главой клана Шуйских, – продолжила экономка, понизив голос почти до шёпота. – Ваш отец обвинил их в нечистых делах – в подкупе чиновников, в незаконных магических экспериментах. Но доказательств не хватило. Шуйские потребовали извинений, а ваш батюшка не смог им ответить. Он не стал унижаться перед ними, даже зная, чем это обернётся.

Алексей сжал подлокотники дивана. Перед глазами всплыл образ отца – гордого, несгибаемого, с тем самым взглядом, который теперь, видимо, стоил клану слишком дорого.

– Теперь они ждут, что вы сделаете шаг, – продолжала Аграфена. – Или признают поражение, – закончил за неё Алексей глухо.

– Именно, – вздохнула экономка. – И ещё... будьте осторожны. Кто-то внутри клана может сотрудничать с Шуйскими, сливая информацию о наших делах. В этих стенах есть уши,

которые слышат слишком много. Я не могу назвать имён, но... я чувствую это. Слишком много совпадений: как только мы находим покупателя на последнюю ферму, Шуйские перебивают цену; как только пытаемся договориться с банкирами, те вдруг меняют условия.

Алексей сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Впервые он осознал, насколько всё серьёзно – это был не просто упадок, а целенаправленное уничтожение.

– Спасибо, Аграфена, – тихо сказал он, поднимаясь. Его голос дрогнул, но он взял себя в руки. – Я разберусь. Я не позволю стереть Воронцовых из истории.

– Верю, молодой господин, – улыбнулась экономка, и в её глазах блеснули слёзы. – Вы сильнее, чем кажется. В вас есть дух вашего деда. Но будьте осторожны. Очень осторожны. И... если вам понадобится помощь – любая помощь, – знайте, я всегда рядом. Как была рядом с вашим отцом и дедом.

Алексей кивнул, чувствуя, как в груди разгорается странное пламя – не страх, не отчаяние, а решимость. Он посмотрел на полки с книгами – фолианты по истории рода, сборники законов империи, магические трактаты. Всё это было его наследием. И он не имел права его потерять.

– Я запомню ваши слова, Аграфена, – сказал он твёрдо. – Спасибо.

Экономка склонила голову, а Алексей направился к выходу из библиотеки, уже продумывая свой первый шаг в этой новой, опасной игре.

Тренировочный зал встретил Алексея прохладой каменных стен, покрытых магическими символами – древними рунами, выгравированными в камне столетия назад. Они слабо мерцали в полумраке, то вспыхивая тусклым светом, то угасая, словно дыша. Воздух здесь был особенным – густым, почти осязаемым, с лёгким металлическим привкусом озона. В углах клубились тени, будто живые существа, наблюдающие за происходящим.

Марфа уже ждала его, стоя у дальней стены. В лучах света, пробивавшихся через узкое окно под потолком, её силуэт казался чётким и резким, а лицо оставалось в тени. Она была одета в строгий тёмно-серый костюм для тренировок – ни одной лишней детали, всё функционально.

– Сегодня мы изучим руны боли, – объявила она без предисловий, даже не повернувшись к Алексею. Её голос звучал ровно, без эмоций, но в нём чувствовалась сталь. – Боевое заклинание, парализующее врага на несколько секунд. Требуется точного контроля энергии и концентрации. Ошибки здесь могут стоить дорого.

Она повернулась к нему, и Алексей заметил, что глаза Марфы сегодня казались почти чёрными – зрачок почти полностью поглотил радужку. Наставница сделала шаг вперёд, подняла руку на уровень груди.

– Смотрите внимательно, – сказала она.

Марфа продемонстрировала технику: плавный, отточенный жест рукой – сначала полукруг слева направо, затем резкий взмах вверх и вниз, завершающийся точкой в воздухе. Она сосредоточилась, на мгновение замерла, потом слегка надрезала указательный палец небольшим кинжалом, который достала из рукава. Кровь выступила алой каплей.

Наставница поднесла палец к созданному жестом контуру и выдавила каплю крови в центр символа. Руна вспыхнула тёмно-красным светом, повисла в воздухе, пульсируя в такт невидимому ритму. Алексей почувствовал, как воздух вокруг стусился, а температура упала на несколько градусов.

– Теперь вы, – Марфа повернулась к Алексею, её взгляд стал пронзительным. – Повторите. И помните: точность важнее силы.

Он глубоко вдохнул, стараясь очистить разум от мыслей, но разговор с Аграфеной всё равно всплывал в памяти: «Шуйские ждут, когда мы падём... кто-то внутри клана может сотрудничать с ними...» Алексей сжал кулаки, пытаясь сосредоточиться.

Он повторил жест – сначала полукруг, затем взмах, но движение вышло чуть резче, чем нужно. Сосредоточился, достал небольшой кинжал и сделал небольшой надрез на пальце. Кровь выступила тёмной каплей. Он начал выводить символ в воздухе, представляя его структуру, направляя энергию...

Но мысли его были заняты разговором с Аграфеной. Ошибка в жесте – запястьем дёрнул чуть сильнее, чем требовалось, слишком большой выброс силы – и руна сработала не на воображаемого противника, а на него самого.

Боль пронзила тело, словно тысячи раскалённых игл одновременно вонзились в мышцы. Алексей упал на пол, не в силах пошевелиться. Дыхание перехватило, перед глазами поплыли тёмные пятна, перемежающиеся яркими вспышками. В ушах зазвучал пронзительный звон, заглушающий все остальные звуки. Он попытался вдохнуть, но тело не слушалось – каждая мышца была скована судорогой.

Марфа мгновенно оказалась рядом, коснулась его плеча своей прохладной рукой. Через мгновение боль отступила, оставив после себя слабость и дрожь во всём теле.

– Магия не прощает небрежности, – строго сказала наставница, помогая ему сесть. Её голос прозвучал как удар хлыста. – Вы должны научиться контролировать эмоции, иначе станете жертвой собственной силы. Ваши мысли сейчас где угодно, но не здесь. Что вас отвлекает?

Алексей поднял на неё глаза, чувствуя себя униженным и одновременно злым на себя за эту ошибку.

– Простите, – выдохнул он. – Я... я отвлёкся.

– Отвлечение на поле боя равно смерти, – отрезала Марфа. – Но раз уж вы здесь, давайте попробуем ещё раз. Вставайте.

Алексей поднялся, опираясь на руку наставницы. Он сделал несколько глубоких вдохов, сосредоточился на ощущениях

в теле, на биении сердца, на прохладе каменных плит под ногами. Очистил разум от всего лишнего, оставив только цель.

– Я попробую ещё раз, – твёрдо сказал он.

На этот раз он сосредоточился полностью. Жест вышел плавным, отточенным – полукруг, взмах, точка. Он контролировал поток энергии, направлял его осторожно, словно наливал воду в хрупкий сосуд. Капля крови упала точно в центр символа.

Руна появилась – тёмно-красная, пульсирующая, но стабильная. Она повисла в воздухе на несколько секунд, затем медленно погасла без каких-либо последствий.

– Лучше, – одобрила Марфа, и в её голосе прозвучала едва заметная нотка удовлетворения. – Контроль улучшается. Но вам ещё работать и работать. Руна боли – лишь начало. Впереди вас ждут заклинания, где цена ошибки будет куда выше.

Она сделала паузу, посмотрела прямо в глаза Алексею.

– Помните: сила без дисциплины – это оружие, повернутое против себя. Вы поняли?

– Да, – кивнул Алексей, чувствуя, как в груди зарождается новая решимость. – Я понял.

Марфа слегка склонила голову, словно принимая его ответ.

– Хорошо. На сегодня достаточно. Отдыхайте и обдумывайте урок. Завтра продолжим с руной сковывания.

Алексей поклонился, чувствуя, что сегодняшний день принёс ему не только неудачу, но и важный урок – магию нельзя подчинить, если не научишься сначала подчинять самого себя.

Во двор усадьбы въехал экипаж клана Шуйских – массивный, чёрный, словно отлитый из самой тьмы. Кузов украшали серебряные шипы на колёсах, острые и угрожающие, а на дверце красовался герб: ворона с распростёртыми крыльями, сжимающая в когтях разорванный герб Воронцовых. Птица была изображена в полёте, её клюв открыт в беззвучном карканье, а когти глубоко впились в ткань герба, разрывая его пополам. Чёрные перья отливали металлическим

блеском, создавая иллюзию движения. За экипажем последовали два стража в тёмных доспехах, чьи фигуры казались монолитными и безжизненными, будто высеченными из камня.

Алексей стоял на крыльце, наблюдая за прибытием. Сердце билось чаще – он понимал, что это не просто визит вежливости. Воздух вокруг будто сгустился, наполнившись напряжением. Он невольно сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Взгляд его намертво приклеился к гербу на дверце кареты. Разорванный герб его рода – символ, который ударил в самое сердце. Алексей ощутил, как внутри всё похолодело, а затем вспыхнуло глухой волной ярости. Это было не просто оскорбление – это был прямой вызов, демонстрация превосходства, глумление над честью Воронцовых.

«Они не просто бросают нам вызов, – пронеслось в голове Алексея. – Они хотят растоптать память о моём отце, о всех предках, которые строили этот род веками».

Посланник вышел из кареты – Григорий Шуйский, молодой аристократ из старшей ветви Шуйских. Высокий, стройный, с горделивой осанкой, он держался так, словно весь мир принадлежал ему. Его одежда – чёрный камзол с серебряной вышивкой, брюки в тон и начищенные до зеркального блеска сапоги – подчёркивала статус и богатство клана. Лицо посланника было красивым, но холодным: тонкие черты, острый подбородок, бледная кожа. Губы кривились в презрительной усмешке, а в глазах читалось откровенное пренебрежение.

– Алексей Воронцов? – бросил он, не здороваясь и даже не пытаясь скрыть высокомерия. Его голос звучал резко, с металлическими нотками, будто клинок, вынутый из ножен. – У меня послание от клана Шуйских.

Он протянул свиток с печатью клана – чёрной восковой печатью с изображением той же вороны, сжимающей разорванный герб. Печать была массивной, с рельефным рисунком, который отчётливо отпечатался на тёмном воске.

Алексей медленно спустился по ступеням крыльца, стараясь сохранить достоинство, хотя внутри бушевала буря эмоций. Он взял свиток, ощутив под пальцами шероховатую поверхность пергамента и холод воска. Сломал печать – она хрустнула, словно сухая ветка, – он развернул пергамент. Текст был краток и безжалостен: вызов на дуэль чести.

– Ваш отец не смог ответить за свои слова, – произнёс посланник вслух, хотя Алексей ещё не дочитал. Его голос стал

ещё более язвительным. – Сможете ли вы? Или клан Воронцовых окончательно утратил свою честь?

Кровь прилила к лицу Алексея. В висках застучала горячая волна гнева, пальцы сами собой сжались вокруг пергамента, сминая край. Перед глазами всё ещё стоял образ разорванного герба – символ унижения его рода. Он хотел ответить резко, бросить в лицо посланнику что-то едкое и оскорбительное, но сдержался – понимал, что любая ошибка будет использована против него. В голове всплыли слова Марфы: «Магия не прощает небрежности. Контроль – прежде всего».

Глубоко вдохнув, он выровнял дыхание, поднял голову и посмотрел прямо в глаза посланнику. В этот момент он отчётливо осознал: дуэль – это шанс не просто защитить честь, но и восстановить целостность символа рода.

– Я приму вызов, – холодно ответил он. Голос прозвучал твёрже, чем он ожидал, – ровно, без дрожи, хотя внутри всё кипело.

– О, мы не сомневались, – усмехнулся посланник, чуть склонив голову набок. В его улыбке не было ни капли теплоты, только насмешка и уверенность в превосходстве. – Мы даём вам три дня. Если не явитесь, будет считаться, что вы признали поражение и долг чести перед нашим кланом.

Стражи демонстративно проверили оружие – лязг стали раздался отчётливо и угрожающе. Один из них поднял руку, проверяя заточку клинка, второй покрутил рукоятью кинжала,

словно готовясь к бою прямо сейчас. Посланник кивнул и направился к карете, делая вид, что уже потерял интерес к разговору.

– И помните, Воронцов, – бросил он через плечо, уже поставив ногу на подножку экипажа. – На этой дуэли будет не только ваша честь. На кону – будущее вашего клана. И целостность его символов, – добавил он с ядовитой усмешкой, бросив взгляд на свиток в руках Алексея.

Карета тронулась, колёса с шипами зашкрипели по гравию, оставляя глубокие следы. Она медленно выкатилась со двора, оставив после себя облако пыли и тяжёлый запах дыма от парового двигателя – едкий, с металлическим привкусом, словно напоминание о силе клана Шуйских.

Алексей остался стоять на крыльце. Он медленно сжал пергамент в руке, чувствуя, как бумага мнётся под пальцами. Взгляд его устремился вдаль, туда, где на горизонте виднелись мрачные башни усадьбы Шуйских – острые, как кинжалы, пронзающие небо.

В голове крутились мысли: «Что они задумали? Это ловушка? Или шанс доказать, что Воронцовы ещё живы? Что наш герб – не просто разорванная ткань, а символ силы, который мы восстановим?» Он сжал свиток крепче, а в груди разгоралось пламя – не страха, а решимости.

«Я не просто приму вызов, – твёрдо решил он. – Я докажу, что герб Воронцовых ещё заставит врагов дрожать. И что разорвать его – недостаточно, чтобы уничтожить наш род».

После ухода посланника по усадьбе прокатилась волна перешёптываний – словно ветер прошелестел по увядающей листве. Алексей шёл по длинному коридору с выцветшими гобеленами на стенах и отчётливо слышал обрывки фраз, доносившихся из-за приоткрытых дверей и ниш:

– Клан Воронцовых опозорен... – шептал кто-то с горечью.

– Опять эти Шуйские... Вечно они норовят наступить на горло, – отозвался другой голос, полный бессильной злости.

– Молодой господин не справится... – прозвучало совсем рядом, почти в спину Алексею.

– Он ещё мальчишка, а они – акулы...

Он невольно замедлил шаг, но не обернулся. Слова ударили, как пощёчина, но он заставил себя идти дальше, высоко подняв голову.

Алексей заметил, как некоторые слуги избегают его взгляда – опускают глаза, спешат свернуть в боковой проход, будто боятся оказаться рядом. Другие же, наоборот, смотрят с жалостью – и это было ещё хуже. В их глазах читалось: «Бедный мальчик, на тебя взвалили то, что не под силу даже отцу».

В коридоре он столкнулся с двумя горничными, которые несли стопку чистого белья. При его приближении они мгновенно замолчали, переглянулись и замерли, словно мыши перед кошкой. Одна из девушек, совсем юная, с веснушками на носу, от неожиданности вздрогнула и уронила поднос с посудой. Чашки и блюдца с грохотом посыпались на каменный пол, разлетаясь на осколки.

– Простите, молодой господин! – пролепетала она, заливаясь краской стыда и страха. Бросаясь собирать осколки, она чуть не порезалась, пальцы её дрожали.

Алексей остановился, сделал глубокий вдох, стараясь унять внутренний вихрь эмоций, и присел рядом с ней на корточки.

– Ничего страшного, – сказал он спокойно, подбирая один из осколков. – Случается. И, пожалуйста, не надо бояться меня.

Он посмотрел ей прямо в глаза – в них читался неподдельный страх, но ещё и что-то другое: надежда, что молодой хозяин не станет наказывать за оплошность. Алексей улыбнулся – не высокомерно, а тепло, по-человечески.

– Всё в порядке, – повторил он. – Главное, чтобы ты не поранилась. Давай я помогу.

Девушка растерянно кивнула, а вторая горничная, молча наблюдавшая за происходящим, вдруг тихо произнесла:

– Мы... мы все за вас, молодой господин. Правда. Мы верим, что вы справитесь.

Алексей на мгновение замер, тронутый этими простыми словами. Он кивнул им обоим.

– Спасибо, – искренне ответил он. – Я сделаю всё, что смогу.

Он поднялся, отряхнул колени и направился дальше по коридору. Но в груди теплилось что-то новое – не только гнев и решимость, но и ответственность перед этими людьми, которые верили в него.

Проходя мимо кухни, откуда доносился аппетитный запах свежее испечённого хлеба и тушёного мяса, Алексей невольно замедлил шаг. Дверь была приоткрыта, и он услышал разговор повара с помощником – громкий шёпот, полный тревоги.

– Если Шуйские возьмут верх, нас всех выгонят, – говорил повар, пожилой мужчина с седыми усами и красными от жара печи руками. – Воронцовы больше не могут платить... А у меня трое детей, да ещё старуха-мать на шее. Куда я их дену?

– А куда все денутся? – отозвался помощник, юноша лет шестнадцати. – Говорят, Шуйские своих слуг привезут. Нам тут места не останется.

– Да уж... – вздохнул повар. – А ведь мы служили этому роду верой и правдой. И отец молодого господина, царствие ему небесное, был справедливым хозяином... Эх, не дай боги, если мальчишка не устоит. Тогда всё – конец Воронцовым. И нам конец.

Алексей замер у двери, чувствуя, как внутри всё сжимается. От его действий зависела не только честь клана, не только судьба древнего рода, но и судьбы десятков людей, служивших его семье поколениями. Эти люди верили в него, надеялись на него, а он пока даже не знал, хватит ли у него сил и мудрости, чтобы их защитить.

Он тихо отступил от двери и пошёл дальше, но теперь его шаги были твёрже, а спина – прямее. В голове прояснилось: он не имеет права на слабость. Не имеет права поддаться страху или отчаянию.

«Я не подведу их, – твёрдо решил Алексей. – Не подведу ни предков, ни тех, кто сейчас зависит от меня. Я приму вызов Шуйских и докажу, что Воронцовы ещё не сломлены. И что наш герб – не просто разорванная ткань, а символ силы, который мы восстановим. Ради рода. Ради слуг. Ради чести».

Он вышел во двор, вдохнул холодный осенний воздух и поднял взгляд к небу. Где-то там, в вышине, кружил одинокий ворон – чёрный силуэт на фоне серых облаков. Алексей сжал кулаки, чувствуя, как в груди разгорается огонь решимости.

– Я справлюсь, – прошептал он. – Во имя Воронцовых.

Глава 3. «Тайный дневник отца»

Алексей вернулся в библиотеку – сюда его влекло необъяснимое чувство, будто ответы таились именно здесь, в этих пыльных фолиантах и забытых свитках. После встречи с посланником Шуйских он всё ещё ощущал тяжесть вызова на дуэль, словно на плечи легли невидимые цепи. В груди клокотала смесь гнева и тревоги: он понимал, что Шуйские не просто так бросили ему вызов – это часть их плана, продуманного и жестокого.

В голове крутились слова Аграфены о предательстве внутри клана, насмешливые фразы посланника о чести рода и

образ разорванного герба – символ унижения, который жёг душу, будто раскалённое клеймо. Алексей невольно сжал кулаки, вспоминая, как на дверце кареты Шуйских красовалась ворона, сжимающая в когтях разорванный герб Воронцовых. «Они хотят растоптать память о моём отце, о всех предках, которые строили этот род веками», – пронеслось в мыслях.

Дуэль – лишь часть большой игры, и Алексей должен понять правила, прежде чем сделать ход. Он не мог позволить себе действовать вслепую. Нужно было узнать больше о противнике, о его слабостях, о тайных связях и планах. А главное – понять, что знал его отец, Кирилл Воронцов, и почему его слова до сих пор звучали эхом в самых тёмных уголках усадьбы.

Библиотека встретила его привычным полумраком. Свет из витражных окон падал цветными пятнами на вытертый ковёр, создавая причудливую мозаику – алые ромбы, сапфировые квадраты, золотые треугольники медленно скользили по ворсу, словно живые существа. В воздухе медленно кружились клубы пыли, подсвеченные лучами, – крошечные частицы танцевали в своём вечном вальсе.

Алексей остановился на пороге, вдыхая знакомый запах старых книг – терпкий аромат пергамента, кожи переплётов, пчелиного воска для натирки стеллажей и чуть уловимой магии, осевшей на страницах древних фолиантов. Этот запах обволакивал, словно защитный кокон, напоминая о часах, проведённых здесь в детстве: отец показывал ему первые руны, объяснял значение символов на гербе, рассказывал о подвигах предков.

Но сегодня всё было иначе. Тишина казалась напряжённой, затаённой. Тени в углах будто сгустились, стали плотнее. Алексею казалось, что за ним кто-то наблюдает – не просто взглядом, а внимательным, оценивающим взором, который изучает каждое движение. Он встряхнул головой, отгоняя наваждение, но ощущение не проходило. «Паранойя, – подумал он. – Или это магия предупреждает об опасности?»

Он подошёл к стеллажам, провёл рукой по корешкам книг. Пальцы ощущали шероховатость кожи, тиснение на переплётах, следы времени на потёртых углах. Некоторые тома были знакомы с детства – учебники по основам магии, сборники заклинаний, трактаты по истории рода. Другие же выглядели чужеродно: толстые фолианты в металлических застёжках, свитки, перевязанные шёлковыми лентами, книги с непонятными символами на корешках.

Взгляд скользнул по портрету отца на стене – Кирилл Воронцов смотрел строго и спокойно, держа в руках щит с гербом рода: чёрная ворона на ночном небе, золотое кольцо в клюве, три звезды на синем поле. «Что ты знал, отец? – мысленно спросил Алексей. – Что пытался скрыть от них?»

Глубоко вдохнув, он решительно шагнул к ближайшему стеллажу. Время шло, а у него было слишком мало ответов и слишком много вопросов. Нужно было начать поиск – здесь, среди книг, где каждый том мог хранить ключ к разгадке тайн рода Воронцовых.

Он начал методично осматривать полки, ища книги по магии крови – именно она лежала в основе многих родовых заклинаний Воронцовых. Пальцы скользили по корешкам, стирая вековую пыль, которая тут же оседала на кончиках пальцев тонким серым налётом. Некоторые тома были знакомы с детства – учебники по основам магии с потёртыми углами, сбор-

ники заклинаний с закладками на нужных страницах, трактаты по истории рода, которые отец заставлял его читать раз в год. Алексей на мгновение задержал руку на одном из них – «Родовые связи и их магическое значение» – и провёл большим пальцем по тиснению на обложке. Но все эти книги не давали ответов на текущие вопросы, лишь напоминали о том, как мало он на самом деле знал.

Высокие стеллажи из тёмного дуба уходили под самый потолок, теряясь в полумраке. К ним были приставлены лестницы на колёсиках – старые, скрипучие, с потёртыми ступенями. Алексей передвигал их, осторожно забирался наверх, балансируя на шаткой конструкции, листал тяжёлые фолианты с пергаментными страницами. Он открывал тома по алхимии крови, древним ритуалам, родовым печатям – но везде находил лишь общие сведения, давно выученные наизусть.

Усталость начала наваливаться свинцовой тяжестью. Мышцы рук ныли от постоянных подъёмов и спусков, спина затекла, а глаза начинали уставать от мелкого старинного шрифта. Он уже готов был признать поражение и сделать перерыв, как вдруг взгляд зацепился за одну книгу.

Потрёпанный том в кожаном переплёте стоял чуть в глубине полки, почти скрытый соседними книгами – словно намеренно спрятанный от посторонних глаз. Обложка потрескалась от времени, углы были сбиты, а корешок местами протёрся до ниток. Но внимание Алексея привлекла не столько сама книга, сколько едва заметная руна на корешке – тонкая гравировка, почти стёршаяся от прикосновений. Символ напоминал каплю с тремя расходящимися линиями – Алексей замер, сердце пропустило удар. Он помнил, что отец использовал такие знаки для защиты важных записей, отмечая ими книги с особо ценными знаниями.

Он осторожно вытянул том – тот поддался не сразу, будто сопротивляясь. Вес книги оказался неожиданно значительным, словно внутри было что-то ещё. Алексей провёл пальцами по руне, ощущая едва заметные углубления. Воспоминания нахлынули волной: вот отец сидит за столом, рисует похожие символы на полях дневника, потом поднимает голову и говорит: «Запомни, сын, эти знаки – ключи к нашему наследию».

Дрожащими пальцами он коснулся руны, слегка надавил, мысленно повторяя последовательность, которую, когда-то подсмотрел: сначала лёгкое нажатие, затем круговое движение против часовой стрелки. Раздался тихий, почти неслышный скрип – будто вздох старого дерева. Панель в стене рядом со стеллажом плавно отъехала в сторону, открывая тёмную нишу размером с небольшой ящик. Из отверстия пахло затхлостью и чем-то ещё – едва уловимым запахом ладана и старой бумаги.

Алексей на мгновение заколебался. В груди зашевелился страх – что, если это ловушка? Что, если отец оставил здесь не подсказки, а предупреждение? Но решимость взяла верх, заглушая сомнения. Он сделал глубокий вдох, задержал дыхание и осторожно достал книгу из ниши. Кожаный переплёт был холодным на ощупь, а края страниц чуть шершавыми.

Осторожно, почти благоговейно, он приоткрыл обложку и заглянул внутрь. Страницы были желтоватыми от времени, испещрёнными заметками на полях. Первые строки, написанные знакомым почерком отца, заставили сердце биться чаще: «Только наследник рода сможет прочесть эти строки...»

Алексей сглотнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он и не подозревал, что отец готовил для него такое послание – спрятанное, защищённое, предназначенное только для его глаз. Теперь отступать было некуда. Он сел в ближайшее кресло, положил книгу на колени и начал читать, понимая, что с этой минуты всё изменится.

В нише лежал ещё один предмет – кожаный переплёт, потемневший от времени, с потёртыми краями, будто не раз путешествовал с хозяином. Обложка была выполнена из тёмной кожи, почти чёрной, с лёгким матовым блеском. Её украшало тиснение: тот же ворон, что и на гербе рода, но изображённый иначе – с расправленными крыльями, словно готовый к полёту,

с гордо поднятой головой. В клюве птицы поблескивало крошечное золотое кольцо – деталь, которую Алексей видел на семейном гербе, но здесь она казалась ещё более значимой, почти живой.

Алексей осторожно достал дневник, ощутив его вес – не просто тяжесть кожи и бумаги, а бремя знаний, которые он сейчас откроет. Пальцы слегка дрожали, когда он провёл по тиснению: ворон будто смотрел прямо на него, словно оценивая, достоин ли он прочесть эти строки.

Он открыл дневник. Страницы были желтоватыми от времени, местами чуть загнутыми по краям, с неровными краями – видно, что книга часто использовалась. Они были испещрены формулами, заметками на полях, схемами рун, набросками каких-то устройств и расчётами. Почерк отца – резкий, уверенный, с характерным наклоном вправо – сразу бросился в глаза. Алексей начал листать записи, вчитываясь в строки. Почерк отца – резкий, уверенный, с характерным наклоном вправо – оживал перед глазами, словно Кирилл Воронцов стоял рядом и лично рассказывал о своих изысканиях.

Сначала шли подробные описания экспериментов с магией крови: схемы потоков энергии, изображённые тонкими линиями и стрелками, указывающими направление течения силы; заметки о ритуалах – с точными указаниями по расположению символов на полу, выбору ингредиентов и времени проведения. На полях встречались предупреждения об опасностях, обведённые красным: «Не превышать трёх кругов концентрации – риск отката», «При работе с четвёртой формулой обязательно ставить защитный круг третьего уровня», «После ритуала – восстановить резерв не позднее чем через два часа, иначе – истощение».

Дальше следовали наблюдения за «Тенью» – загадочные заметки с датами и координатами, будто отец отмечал места её проявления. Рядом – графики колебаний магической активности: кривые линии то взмывали вверх, достигая пиков, то резко падали, образуя глубокие впадины. Некоторые даты были выделены особо – напротив них стояли восклицательные знаки и короткие пометки: «Сильное возмущение», «Прорыв на границе владений», «Контакт на три секунды».

Затем шли осторожные упоминания о «них» – без имён, без подробностей, но с явным ощущением угрозы. Фразы были краткими, будто отец боялся доверить бумаге слишком много: «Они следят», «Их влияние растёт», «Необходимо усилить защиту на севере». В одной из записей Алексей заметил перечёркнутую фразу – будто автор в последний момент решил не оставлять эту мысль на бумаге.

Ниже располагались расчёты, связанные с положением звёзд и фазами луны. Сложные формулы чередовались с набросками небесных карт: созвездия были обозначены рунами, а траектории планет – пунктирными линиями. В углу страницы Алексей обнаружил пометку: «Совпадение циклов – раз в 147 лет. Следующий – скоро».

Наконец, взгляд зацепился за наброски символов – они напоминали руны, но были гораздо сложнее, со множеством дополнительных линий, петель и точек. Некоторые знаки пересекались, образуя трёхмерные структуры, другие словно вращались вокруг центральной оси. Рядом с каждым символом отец оставлял короткие комментарии: «Ключ к печати», «Активация требует крови наследника», «Опасность – высокая».

Алексей замер, осознавая масштаб работы, проделанной отцом. Каждая страница дышала напряжённой мыслью, упорством исследователя, который шёл к какой-то цели – и, похоже, почти достиг её. Но что-то помешало. Что-то или кто-то.

Он осторожно перевернул страницу, чувствуя, как внутри нарастает смесь тревоги и азарта. Что ещё скрывали эти записи? И какую тайну они могли открыть о «Тени Аквилона» и тех, кто за ней стоял?

Чувствовалось, что отец был на пороге какого-то открытия – он собирал разрозненные фрагменты воедино, выстраивал систему, проверял гипотезы. Каждая страница дышала напряжённой работой ума, упорством исследователя, который идёт к цели, несмотря на препятствия.

Алексей переворачивал страницу за страницей, пока не остановился на последней. Запись здесь была сделана другим почерком – более нервным, торопливым, с неровными буквами, будто писавшие руки дрожали. Чернила местами расплылись, словно от влаги. Текст гласил:

«Тень Аквилона пробуждается. Они знают. Не доверяй никому, сын».

Сердце Алексея пропустило удар. Он перечитал строки ещё раз, затем ещё. Отец обращался к нему, даже зная, что может не успеть сказать это вслух. В груди поднялась волна горечи – от осознания, что он не успел поговорить с отцом, не успел задать все вопросы. Но вместе с тем пришла и волна решимости, горячая и твёрдая, как сталь.

«Я должен узнать, – подумал Алексей, сжимая дневник в руках. – Что такое „Тень Аквилона“? Кто эти „они“? Что отец пытался предотвратить?»

Он снова посмотрел на последнюю запись. Слова «Не доверяй никому» эхом отдавались в сознании. Значит, угроза была настолько серьёзной, что даже среди близких нельзя было найти опоры. Алексей вспомнил насмешливое лицо посланника Шуйских, его высокомерные слова о чести рода. Могли ли Шуйские быть теми самыми «ними»? Или за ними стояла какая-то более древняя и могущественная сила?

Дневник в его руках казался не просто книгой – он стал связующим звеном между ним и отцом, последним посланием, которое нужно было расшифровать. Алексей закрыл дневник, прижал его к груди и твёрдо решил: он раскроет все тайны, которые скрывал отец. Он найдёт ответы – ради рода Воронцовых, ради памяти отца и ради тех, кто верит в него.

Рядом с текстом шли руны – незнакомые, не совпадающие с известными магическими алфавитами. Они были расположены в столбик вдоль правого поля страницы, а напротив каждой – короткие пометки на полях, сделанные тем же нервным почерком, что и последняя запись. Алексей попытался расшифровать их, выписывая символы на отдельный лист пергамента аккуратным, почти каллиграфическим почерком. Он сравнивал их с учебными таблицами рун, которые выучил ещё в юности: с классическими магическими символами, древними знаками стихий, рунами северных земель – но безуспешно.

Каждая руна выглядела сложной, многослойной: линии переплетались, образовывали петли, пересекали друг друга под необычными углами. Одна напоминала спираль с тремя ответвлениями, другая – треугольник с точкой в центре и двумя изогнутыми линиями по бокам, третья – каплю, пронзённую стрелой. Алексей хмурился, перекадывал листы, снова и снова сопоставлял загадочные знаки с известными ему алфавитами. Ничего не подходило.

Он откинулся на спинку старого дубового кресла, закрыл глаза, пытаясь вспомнить что-нибудь, что могло бы помочь. В голове крутились обрывки уроков отца, его наставлений, полузабытых историй у камина. И тут всплыл один эпизод, словно вынырнувший из глубин памяти: отец, сидя в этом же кресле у потрескивающего огня, говорит ему, двенадцатилетнему мальчишке, серьёзно и в то же время ласково:

– Ключ – в гербе, Алёша. Всегда помни, что сила рода – в его символах. Они не просто украшают стены и щиты. В них – наша история, наша магия, наша защита.

Алексей вскочил так резко, что кресло скрипнуло. Бросился к столу, выдвинул нижний ящик, где хранил детские рисунки. Руки слегка дрожали, когда он перебирал пожелтевшие листы: схемы заклинаний, наброски фамильных портретов, карты окрестностей усадьбы... Наконец он нашёл то, что искал – крупный набросок герба Воронцовых, который рисовал лет в десять, старательно копируя его с гобелена в главном зале.

Алексей разложил рисунок рядом с дневником, аккуратно выровнял края листов – пергамент слегка зашуршал, словно вздыхая от прикосновения. Он склонился над изображением, вгляделся в детали герба Воронцовых, будто видел их впервые, и каждая линия теперь казалась наполненной тайным смыслом.

В центре щита гордо возвышался ворон на чёрном поле – не просто птица, а символ рода, воплощение его духа. Птица была изображена с расправленными крыльями, словно готова вот-вот взмыть в небо, преодолевая земное притяжение. В её силуэте читались непреклонность и величие, многовековая мудрость предков и несгибаемая воля к борьбе.

В клюве ворон держал золотое кольцо – тонкий, но значимый элемент. Оно блестело даже на рисунке, будто отлитое из настоящего благородного металла. Алексей невольно залюбовался игрой линий: кольцо символизировало верность традициям, память о предках, неразрывную связь поколений. Это был не просто декоративный элемент – напоминание, что сила рода в его истории, в том, что передавалось из уст в уста, из рук в руки.

От верхнего правого угла к нижнему левому протянулась диагональная серебряная полоса – словно след метеора на ночном небе или меч, рассекающий тьму. Отец всегда говорил, что это путь рода сквозь века: не прямой и гладкий, а с поворотами и испытаниями, но неизменно устремлённый вперёд. Серебро полосы мерцало сдержанным светом, напоминая о чести, долге и стойкости, которые должны были вести Воронцовых через любые бури.

В нижней части щита, на синем поле, расположились три серебряные звезды – небольшие, но яркие, как настоящие светила в ночном небе. Они стояли в ровном ряду, но не были идентичны: каждая имела свой размер и чуть отличалась по форме. Это были путеводные звёзды семьи – те ориентиры, что помогали не сбиться с пути в самые тёмные времена. Алексей вспомнил, как в детстве отец указывал на них и говорил: «Пока они светят – род не угаснет».

Алексей провёл пальцем по контурам герба на рисунке, затем перевёл взгляд на руны в дневнике. Теперь он отчётливо видел связь: линии, изгибы, углы – всё это могло быть ключом к расшифровке. Каждая деталь герба словно шептала: «Посмотри внимательнее. Я здесь не просто так». В груди закипала смесь волнения и предвкушения – он был на верном пути. Осталось лишь соединить разрозненные фрагменты воедино.

Он начал сравнивать руны с элементами герба, внимательно изучая каждую линию. Постепенно, одна за другой, начали обнаруживаться совпадения:

Первая руна – спираль с ответвлениями – идеально совпадала с расположением трёх звёзд на щите. Если соединить их воображаемыми линиями, получался тот самый завиток.

Вторая руна – треугольник с точкой – напоминала форму диагональной полосы, если мысленно добавить к ней несколько линий, обозначающих направление движения.

Третья руна – капля со стрелой – повторяла изгиб крыла ворона, его контур в определённой проекции.

Четвёртая руна, самая простая – круг с точкой в центре, – полностью совпадала с изображением кольца в клюве ворона.

Пятая руна – сложный узел из пересекающихся линий – оказалась проекцией всего герба, если смотреть на него под определённым углом и мысленно соединить ключевые точки.

Алексей записал соответствия на отдельном листе, аккуратно пронумеровал их. Затем начал подставлять значения, выстраивая логическую цепочку. Мозг работал на пределе: он соединял символы в осмысленную фразу, проверял варианты, отбрасывал неподходящие комбинации. Пальцы непроизвольно выстукивали ритм на краю стола – так всегда бывало, когда он был полностью поглощён разгадкой.

Наконец, после нескольких попыток, всё сошлось. Руны сложились в чёткую, ясную фразу:

«Ищи в крипте под алтарём».

Алексей замер, глядя на получившуюся надпись. Буквы словно светились перед глазами, подтверждая: он сделал это. Он расшифровал послание отца.

Глубоко вдохнув, он перевёл взгляд на дневник, затем – на набросок герба. Теперь всё обрело смысл: отец зашифровал подсказку в символах рода, зная, что только наследник, воспитанный в традициях Воронцовых, сможет её прочесть. «Крипта под алтарём...» – прошептал

Алексей. Это место он знал: древняя часть усадьбы, куда не спускались уже несколько поколений. По легендам, там были похоронены первые Воронцовы и спрятаны реликвии рода.

Сердце забилось чаще. Он понимал: это не просто указание. Это начало пути – пути, который отец не успел пройти, но который теперь должен завершить его сын.

Алексей закрыл дневник, спрятал его под плащ, плотно прижав к боку. Огляделся – в библиотеке было тихо, лишь потрескивали поленья в старинном камине да изредка доносился скрип старого дерева. Но ощущение слежки не проходило: будто чьи-то невидимые глаза сверлили затылок, оценивали каждое движение. Он невольно сжал рукоять фамильного кинжала под плащом – привычка, выработанная годами.

Дверь скрипнула и резко распахнулась, ударившись о стену с глухим стуком. Вошёл Григорий Шуйский – молодой аристократ из старшей ветви клана Шуйских, тот самый посланник. Его шаги эхом отдавались по каменному полу, а тень, вытянувшись, скользнула по стеллажам с книгами.

Григорий был одет с иголки: чёрный камзол с серебряной вышивкой, перчатки из тонкой кожи, на пальце – перстень с тёмным камнем, мерцающим в свете ламп. Он остановился в нескольких шагах от Алексея, окинул его презрительным взглядом, задержавшись на смятых рукавах рубашки и пыльных ботинках. В уголках губ заиграла насмешливая улыбка – не добрая, а острая, словно клинок.

– Любопытные книги читаете, Воронцов, – произнёс он, медленно приближаясь. Голос звучал сладко и одновременно ядовито, будто мёд с примесью полыни. – Неужели снова пытаетесь найти в этих пыльных фолиантах что-то, что вам не по зубам?

Алексей мгновенно спрятал дневник за спину, стараясь сохранить спокойствие, но внутри всё сжалось. Он знал: Григорий не просто так оказался здесь.

– Обычные исследования по родовой магии, – ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Ничего, что могло бы заинтересовать вас, Шуйский.

Григорий сделал ещё шаг вперёд, и Алексей уловил запах его духов – тяжёлый, пряный, с нотой гвоздики. Этот аромат всегда раздражал, вызывая ассоциации с чем-то показным и фальшивым.

Григорий подошёл ближе, нарочито медленно обошёл стол, изучая раскрытые фолианты. Его взгляд скользнул по страницам, задержался на книге с руной – той самой, что открыла тайник. В глазах мелькнуло хищное любопытство, почти голод.

– О, магия крови? – протянул он, приподняв бровь. – Интересно, что вы там нашли... Или, может, кто-то вам подсказал? – Он сделал паузу, подчёркивая последнее слово. – Хотя, что я спрашиваю – у Воронцовых никогда не было ни ума, ни вкуса к настоящей магии. Одни лишь старые сказки да громкие имена.

Напряжение нарастало. Алексей чувствовал, как в груди закипает магия – знакомая пульсация силы, готовая вырваться наружу. Но он сдерживал её, стискивая зубы: нельзя выдавать себя. Нельзя показывать слабость.

Григорий наклонился ближе, почти касаясь плеча Алексея. Его голос упал до шёпота, но в нём звенела сталь:

– Знаете, Воронцов, я всегда считал, что такие, как вы, лишь портят репутацию благородных родов. Вы – как пятно на фамильном гербе. И знаете что? Пятна нужно выводить.

Он выпрямился, улыбнулся своей холодной улыбкой и провёл пальцем по корешку одной из книг, будто смахивая пыль, но на самом деле – оценивая обстановку.

– Будьте осторожны, – добавил он, отступая на шаг. – В этих стенах много секретов. И не все они готовы открыться тому, кто не достоин.

Алексей сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Он знал, что Григорий не просто угрожает – он предупреждает. И за этими словами стоит что-то большее. Но отвечать открыто было бы ошибкой.

– Благодарю за заботу, Шуйский, – произнёс Алексей ровным голосом. – Но я как-нибудь разберусь сам. В конце концов, это моя библиотека и мои секреты.

Григорий замер на мгновение, его улыбка стала ещё шире, но глаза остались ледяными.

– Посмотрим, Воронцов. Посмотрим, – бросил он через плечо, направляясь к двери. – Очень скоро мы всё увидим.

Когда дверь за ним закрылась, Алексей выдохнул, осознавая, что всё это время сдерживал дыхание. Руки слегка дрожали, но он твёрдо решил: теперь он не отступит. Тайны отца, «Тень Аквилона», угроза Шуйских – он разберётся со всем. И пусть Григорий считает его слабым – скоро он поймёт, на что действительно способен наследник рода Воронцовых.

Алексей остался один. Тишина библиотеки, которая раньше казалась уютной и привычной, теперь давила на плечи, словно своды крипты. Он сжал дневник в руке – кожа переплёта чуть скрипнула под пальцами, напоминая о реальности происходящего. Страницы книги хранили послание отца, а вместе с ним – и груз ответственности, который теперь полностью лёг на плечи Алексея.

Теперь он точно знал: время работает против него. Три дня до дуэли – слишком мало, чтобы разобраться в тайнах «Тени Аквилона», но достаточно, чтобы сделать первый шаг. Нужно успеть в крипту до дуэли. И не просто успеть – нужно понять, что там скрыто, и как это поможет ему противостоять Шуйским.

Он застегнул плащ, спрятал дневник во внутренний карман, поближе к сердцу, и направился к двери. Шаги звучали твёрдо, спина была прямой. Где-то глубоко внутри ещё шевелился страх – но он уже не владел им. Теперь им владела цель.

За дверью библиотеки его ждал длинный коридор, уходящий в полутьму. Алексей сделал первый шаг в эту тьму, зная, что с каждым шагом приближается к разгадке. К разгадке, которая может изменить всё.

Глава 4. «Баллада о ветре и крови»

Алексей стоял у окна своих покоев, глядя на суету во дворе усадьбы. Слуги развешивали гирлянды из плюща и магических цветов, которые светились мягким голубым светом. Он на мгновение подумал, что началась подготовка к какому-то торжеству здесь, но тут же вспомнил: бал состоится у Романовских.

– Это просто поддерживают порядок, господин, – тихо произнёс камердинер, стоя в дверях. Он сделал паузу, давая Алексею время осмыслить сказанное, и лишь затем вошёл в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. – К тому же, возвращение с бала будет приятнее, если дом встречает вас светом и красотой. Да и пусть все видят: Воронцовы не склонились перед угрозами.

Алексей обернулся к слуге, задержал на нём взгляд. В словах камердинера была доля истины – украшения не для бала, а для демонстрации стойкости рода. Он кивнул, и камердинер почтительно отступил в сторону, ожидая дальнейших распоряжений.

В этот момент в комнату вошли портной и ещё один слуга. Портной поклонился:

– Пора готовиться, господин, – произнёс он, раскладывая на кровати парадный камзол Воронцовых: тёмно-синий, с серебряной вышивкой в виде воронов, раскинувших крылья. Каждый элемент вышивки был выполнен с ювелирной точностью – птицы словно оживали на ткани, готовые вот-вот взмахнуть крыльями и взлететь.

Камердинер подошёл ближе, держа в руках аксессуары: перстень с чёрным камнем, фамильную брошь с изображением герба рода, тонкий пояс с магическими рунами, мерцающими слабым голубоватым светом.

– Позвольте помочь, – почтительно произнёс он, протягивая вещи Алексею.

В дверях появилась Марфа. Прямая осанка, строгий взгляд, седые волосы, собранные в тугий узел. Она никогда не была нянькой в привычном смысле – с самого детства Алексея она выполняла роль наставника, жёсткого и требовательного. Именно Марфа обучала его основам магии крови, заставляла заучивать родовые заклинания до тех пор, пока они не становились частью его сущности, и вбивала в голову: «Сила рода – в памяти о предках и готовности защищать их наследие».

Она сделала несколько шагов вперёд, не отрывая взгляда от Алексея. Её шаги были размеренными, уверенными —

каждый словно подчёркивал её авторитет.

– Не время для сомнений, – отрезала Марфа, подходя ближе. Её голос звучал как удар хлыста – чётко, властно, без намёка на теплоту. – Ты идёшь на бал не танцевать, а собирать информацию. Пусть видят, что Воронцовы ещё могут удивить. Надень перстень отца – он усиливает магию. Покажи им нашу кровь. Но помни: одно неосторожное слово, один неверный жест – и ты подставишь весь род. Действуй хладнокровно.

Алексей взял перстень. Камень цвета воронова крыла охлаждал пальцы, и на мгновение ему показалось, что он ощущает слабый пульс древней магии, заключённой в этом артефакте. Он вспомнил, как отец надевал его перед важными переговорами, как аура силы окутывала Кирилла Воронцова, делая его почти неуязвимым. В памяти всплыли слова отца: «Этот перстень – не просто украшение. Он помнит каждого из наших предков, кто носил его. И теперь он будет помнить тебя».

«Она права, – подумал Алексей. – Бал может дать полезную информацию о планах Шуйских. Возможно, удастся заметить, кто из гостей слишком внимательно следит за мной, или уловить обрывки разговоров, которые прольют свет на их замыслы».

Он заметил, что слуги ведут себя странно: переглядываются, шепчутся за его спиной, слишком поспешно отводят взгляды, когда он оборачивается. Один из слуг, развешивавший

гирлянды у окна, вдруг резко замолчал на полуслове, когда Алексей случайно поймал его взгляд. Что-то затевалось, и он не был в центре этих замыслов – пока.

Решительно застегнув камзол, Алексей накинул плащ с вышитым гербом рода – пусть все видят, кто он есть. Ткань приятно легла на плечи, а вышитый ворон словно расправил крылья, напоминая о силе и гордости его рода.

Марфа молча кивнула, удовлетворённая его решимостью. Она окинула взглядом его наряд, поправила едва заметную складку на рукаве и только после этого заговорила снова:

– И ещё, – добавила она уже у двери, обернувшись. Её голос стал чуть тише, но не менее твёрдым. – Держись настороже. Шуйские не просто так затеяли этот поединок. Они что-то замышляют. И если они выбрали именно этот момент для вызова, значит, рассчитывают на какой-то фактор, который даст им преимущество. Будь бдителен.

С этими словами она вышла, оставив после себя едва уловимый аромат сухих трав и ладана – запах, который всегда ассоциировался у Алексея с уроками магии и семейными тайнами.

Алексей остался один. Он подошёл к зеркалу в резной раме, взгляделся в своё отражение. Тёмный камзол, серебряный узор, герб на плаще – всё это кричало о его принадлежности к древнему роду. Перстень на пальце чуть пульсировал, словно напоминая: «Ты не один. За тобой – поколения Воронцовых».

Глубоко вдохнув, он расправил плечи. Пришло время идти.

Зал Романовских поражал воображение. Высокие своды, украшенные магическими кристаллами, которые меняли цвет в такт музыке: алый – золотой – лазурный. Внутри каждого кристалла кружились миниатюрные бури – лепестки роз, снежинки, искры, – заключённые в прозрачные сферы. При каждом изменении тональности вихри внутри кристаллов меняли скорость и направление: когда мелодия ускорялась, лепестки начинали вращаться быстрее, а снежинки выстраивались в сложные геометрические узоры; когда музыка замедлялась, искры плавно опускались к основанию кристалла, чтобы через мгновение взмыть вверх новым сияющим потоком.

Гости уже собрались: аристократы в роскошных нарядах, маги в мантиях с символами стихий. Алексей сразу отметил расстановку сил: группа Шуйских в углу – их чёрные мантии с вышитым серебряным гербом бросались в глаза, создавая резкий контраст с праздничной атмосферой зала. От представителей клана исходило едва уловимое напряжение – холодная, стальная аура силы, заставлявшая воздух казаться гуще вокруг них.

Несколько нейтральных кланов расположились у буфета – их представители переглядывались, оценивая обстановку; и те, кто явно симпатизировал Воронцовым, – кивали Алексею, когда он проходил мимо, и в их взглядах читалось не просто вежливое приветствие, а молчаливая поддержка.

Музыка затихла, и в зал вошла Анастасия Романовская. Она двигалась легко, словно не касаясь пола, в белом платье, которое струилось, как облака, – ткань казалась невесомой, будто сотканной из утреннего тумана. Диадема с опалами сверкала в её тёмных волосах, каждый камень переливался собственным светом, отражая и усиливая магию, исходящую от хозяйки.

Зазвучала новая мелодия – и Анастасия начала танцевать. Вокруг неё мгновенно возникли потоки ветра: сначала едва

заметные завихрения у самых ступней – воздух задрожал, словно над нагретой землёй в полуденный зной. Затем, повинаясь ритму, лепестки роз оторвались от гирлянд и закружились в идеальном танце, складываясь в живые узоры – сперва простые спирали, плавно перетекающие друг в друга, а затем всё более сложные фрактальные конструкции, напоминающие снежные кристаллы или ветви древних деревьев.

Следом в движение пришли тонкие нити паутины, украшавшей колонны: подхваченные воздушными потоками, они заиграли серебром в свете магических кристаллов, растянулись и

изогнулись, превратившись в мерцающие ленты, которые оплетали пространство вокруг танцовщицы, создавая иллюзию волшебного шатра.

Наконец, отдельные пряди волос Анастасии затанцевали вокруг её лица – они взмывали вверх, опускались, переплетались и расходились, образуя живой ореол, будто сотканный из самого ветра. Её движения были плавными и точными, каждое скольжение руки или поворот головы усиливало магию: воздушные потоки становились осязаемыми, а узоры – всё замысловатее.

Гости замерли, заворожённо наблюдая за этим чудом. Кто-то невольно сделал шаг ближе, боясь упустить хоть мгновение волшебного действия. Свет кристаллов играл на лице Анастасии, подчёркивая лёгкую улыбку, а вокруг неё кружились лепестки, паутинные ленты и вихри воздуха – словно сама стихия ветра явила свою сущность в танце одной-единственной девушки.

Магия ветра проявлялась во всей своей красе. Воздух вокруг Анастасии мерцал, словно в жаркий день над раскалённым камнем, – лёгкая дымка дрожала и переливалась, создавая иллюзию иного измерения. В потоках ветра, послушных каждому её движению, возникали и гасли крошечные голубые огоньки – будто светлячки, пойманные в невидимую сеть: они вспыхивали у кончиков пальцев, кружились возле плеч и таяли, чтобы тут же родиться вновь в новом узоре.

Гости, оказавшиеся поблизости, невольно задерживали дыхание. Лёгкий ветерок касался их лиц едва ощутимым прикосновением – прохладным, освежающим, – и приносил с собой ароматы луговых трав и свежести после грозы, будто сама природа откликнулась на зов магии. Кто-то невольно улыбался, чувствуя, как напряжение уходит, а на смену ему приходит лёгкость и восторг.

Каждый поворот Анастасии сопровождался тихим мелодичным звоном – словно где-то вдали, за гранью слышимого, звенели хрустальные колокольчики. Звук был едва уловим, но отчётлив: он возникал в момент взмаха руки, усиливался при кружении и затихал, когда она на мгновение замирала в изящной позе. Этот перезвон сплетался с музыкой, дополняя её, делая ещё более волшебной.

Магические кристаллы на стенах чутко реагировали на танец. Они пульсировали в такт движениям Анастасии – ритмично, словно живые сердца. Когда она выполняла особенно сложные па, их цвет становился более насыщенным: лазурный переходил в глубокий сапфировый, изумрудный вспыхивал малахитовыми отблесками, а золотистый наливался янтарной глубиной. Свет кристаллов отражался в глазах зрителей, ложился бликами на платья дам и камзолы кавалеров, заставляя их украшения мерцать в ответ на магию ветра.

В эти мгновения казалось, что весь зал стал частью единого заклинания – пространство дышало, пело и танцевало вместе с Анастасией, а магия ветра, воплощённая в её движениях, дарилась всем присутствующим ощущение чуда, которое запоминается на всю жизнь.

Магия ветра выглядела лёгкой, воздушной, почти игривой, но Алексей чувствовал её мощь – она напоминала ему океанские волны, которые могут быть ласковыми, но способны и сокрушить. В каждом движении Анастасии читалась отточенная техника: она не просто создавала ветер, а управляла им на молекулярном уровне, заставляя воздух подчиняться её воле с математической точностью.

Когда Анастасия проходила мимо, её вихрь на мгновение коснулся ауры Алексея. Его магия крови ответила – возник краткий разряд, искра, заметная лишь тем, кто умел видеть такие вещи. Несколько опытных магов в зале переглянулись: один из них, старик с седой бородой, едва заметно кивнул, словно подтверждая какую-то догадку; молодая женщина в зелёной мантии сделала пометку в своём блокноте.

Алексей наблюдал за девушкой. Она танцевала с грацией и уверенностью наследницы сильного клана. Он заметил, как некоторые гости смотрят на Анастасию с завистью – те, кто владел менее зрелищными стихиями; другие – с восхищением, особенно молодые маги, явно

впечатлённые мастерством; третьи – с настороженностью, словно оценивая потенциальную угрозу. Алексей понял, что она не просто украшение бала – она сильная магиня, возможно, одна из сильнейших в своём поколении, способная управлять ветром с такой лёгкостью, с какой обычный человек дышит.

Контраст между ними был очевиден: его тёмный наряд и тяжёлая магия крови, давящая на пространство вокруг, против её лёгкого платья и воздушной стихии, играющей и переливающейся всеми оттенками свободы. Но в тот миг, когда их силы соприкоснулись, Алексей почувствовал странное притяжение противоположностей – будто две разные стихии не отталкивались, а искали способ соединиться, создать что-то новое.

В зале повисла особая атмосфера: гости замерли, наблюдая за танцем, музыка стала тише, а кристаллы на стенах замерли в одном цвете – глубоком лазурном, подчёркивающем магию Анастасии. Даже Шуйские на мгновение забыли о своих интригах, замороженно следя за тем, как ветер повинуется воле молодой магини. Один из представителей клана – высокий мужчина с жёсткими чертами лица – слегка наклонил голову, оценивая разглядывая Анастасию, а его рука непроизвольно сжалась на рукояти кинжала с гравировкой герба Шуйских.

Григорий Шуйский появился рядом с Алексеем в тот самый момент, когда тот решил подойти к Анастасии. Григорий двигался бесшумно, словно тень, но его присутствие сразу ощущалось – от него исходила холодная, стальная аура, напоминающая о Шуйских.

– Любопытно, Воронцов, – протянул Григорий нарочито громко, так, чтобы его услышали ближайшие гости. Он стоял слишком близко, намеренно нарушая границы личного пространства. – Ты пришёл посмотреть, как живут те, кто ещё чего-то стоит? Или надеешься найти здесь союзников?

Алексей сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Он бросил короткий взгляд в сторону Анастасии – та замерла, наблюдая за происходящим с настороженным вниманием. В зале повисла напряжённая тишина: разговоры стихли, музыка на мгновение сбилась с ритма.

– Я здесь как гость, Шуйский, – холодно ответил Алексей, стараясь говорить ровно. Он выпрямился во весь рост, расправил плечи, демонстрируя уверенность, которой на самом деле не чувствовал. – В отличие от некоторых, я умею соблюдать приличия.

Григорий рассмеялся – резкий, лающий смех разнёсся по залу, заставляя нескольких дам вздрогнуть. Он сделал шаг вперёд, почти вплотную приблизившись к Алексею.

– Приличия? – он понизил голос, но достаточно громко, чтобы слышали ближайшие гости. – Твой клан – тень бывшего величия. Что, пришёл посмотреть, как танцуют те, кто действительно владеет магией? – Григорий бросил многозначительный взгляд в сторону Анастасии, которая всё ещё стояла неподалёку. – Или, может, ищешь защиты у клана ветра? Слабаки всегда ищут сильных покровителей.

Напряжение нарастало. Алексей чувствовал, как магия крови закипает в венах, как перстень на пальце начинает нагреваться – камень цвета воронова крыла пульсировал в такт учащённому сердцебиению. Он сжал и разжал кулак, пытаясь унять дрожь в пальцах. Но он понимал: необдуманный поступок может всё испортить. Один неверный шаг – и он подставит весь род, даст Шуйским повод объявить Воронцовых нарушителями кодекса чести.

– Предлагаю перенести наш поединок, – вдруг бросил Григорий, резко меняя тон на деловой, но с явной издёвкой в голосе. – Не как договаривались, а завтра вечером. Прямо здесь, в саду Романовских. Пусть все увидят, на что способны Воронцовы... если способны ещё на что-то.

Толпа замерла в ожидании ответа. Кто-то затаил дыхание, кто-то уже готовил платок, чтобы бросить его в знак вызова. Несколько магов из нейтральных кланов переглянулись – они оценивали ситуацию, прикидывая, на чью сторону встать в случае открытого столкновения.

В этот момент между мужчинами встала Анастасия. Она двигалась так же плавно, как во время танца, но теперь в её осанке появилась стальная решимость. Белое платье шелестело, словно крылья птицы, а опалы в диадеме сверкнули, поймав свет магических кристаллов.

– Господа, – её голос звучал мягко, но твёрдо, с нотками непререкаемого авторитета наследницы клана. – Этот бал не место для раздоров. Прошу вас, отложите споры до более подходящего времени.

Она положила руку на локоть Алексея – и снова их магии соприкоснулись, создавая видимую искру: алые всполохи магии крови встретились с голубыми нитями магии ветра. Искра вспыхнула на мгновение, осветив лица всех троих, и тут же погасла, оставив после себя едва заметный запах озона.

Григорий на мгновение замер, увидев это. Его глаза расширились – он явно не ожидал такой реакции стихий. На долю секунды маска высокомерия на его лице дрогнула, обнажив что-то более глубокое: возможно, удивление, возможно, даже страх перед силой, которую он только что увидел.

Шёпот прокатился по залу: кто-то аплодировал выдержке Анастасии – несколько дам даже захлопали в ладоши, восхищённые её смелостью; кто-то разочарованно вздыхал, что конфликта не случилось; третьи перешёптывались, гадая, что означала эта вспышка магии.

– Как пожелает леди Романовская, – процедил Григорий, отступая на шаг. Его голос звучал натянуто, словно он с трудом сдерживал раздражение. Он поклонился Анастасии с холодной вежливостью: – Прошу прощения за беспокойство, леди.

Затем он снова повернулся к Алексею, и в его глазах мелькнуло что-то зловещее:

– Но на дуэли мы всё выясним, – повторил он тихо, так, чтобы слышал только Алексей. – И тогда посмотрим, чья магия сильнее.

С этими словами Григорий резко развернулся и направился к группе своих сторонников, которые тут же окружили его, засыпая вопросами.

Анастасия не убрала руку с локтя Алексея. Она чуть повернулась к нему и шепнула так, чтобы никто больше не услышал:

– Будьте осторожны, Алексей. Они что-то задумали. Не дайте им загнать вас в ловушку.

Позже, когда музыка сменилась на более плавную мелодию – тягучие звуки арфы переплелись с переливами флейты, создавая атмосферу нежной меланхолии, – Анастасия подошла к Алексею сама. Она двигалась так же легко, как во время своего танца: шаги почти бесшумные, платье струится, словно подхваченное лёгким ветром.

– Позвольте пригласить вас на танец, господин Воронцов, – она протянула руку, и её глаза блеснули в свете магических кристаллов, отражая их лазурное сияние. На мгновение Алексею показалось, что в глубине её взгляда мелькнуло что-то ещё – намёк на серьёзность, скрытый за внешней лёгкостью.

Это вызвало новый всплеск шёпотов среди гостей. Кто-то удивлённо приподнял брови, кто-то переглянулся с соседом, а несколько дам из нейтральных кланов даже перегнулись через буфет, чтобы лучше видеть. Но Алексей принял приглашение – он пришёл сюда за информацией, и интуиция подсказывала, что Анастасия может дать ему больше, чем случайные обрывки чужих разговоров.

Они закружились в танце. Анастасия двигалась с удивительной лёгкостью, ведя его через сложные па, будто знала каждый его шаг заранее. Её движения были отточены до совершенства: поворот головы, взмах руки, лёгкий наклон корпуса – всё складывалось в безупречный рисунок танца. Алексей невольно поддался её ритму, чувствуя, как напряжение последних минут понемногу отпускает.

Когда они оказались в тени массивных колонн, украшенных резьбой в виде облаков и вихрей, Анастасия чуть приблизилась и шепнула ему на ухо:

– Шуйские готовят удар. Будь осторожен. Они хотят дискредитировать тебя перед поединком.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он едва заметно кивнул, стараясь не выдать волнения, и ответил так же тихо:

– Откуда вы знаете?

– У меня свои источники, – улыбнулась она, и в этой улыбке читалась не просто уверенность, а знание, накопленное годами. – И глаза, которые видят больше, чем кажется. Я заметила, как Григорий Шуйский несколько раз встречался с магом из клана Чёрного Тумана. А эти ребята специализируются на иллюзиях и подменах.

Их руки соприкоснулись – и магия ветра и крови снова слилась в искрах. На этот раз эффект был сильнее: несколько кристаллов в зале вспыхнули ярче, отражая сочетание алых и голубых искр. Голубые нити магии ветра оплели алые всполохи магии крови, создавая причудливый узор, который на мгновение замер в воздухе, а затем растаял. Некоторые гости, заметив это, замерли, заворожённо глядя на явление.

– Наши кланы могли бы помочь друг другу, – продолжила Анастасия, понизив голос ещё больше. Она чуть повернулась, и опалы в её диадеме поймали свет, рассыпав вокруг россыпь радужных бликов. – Романовские и Воронцовы. Ветер и кровь. Иногда противоположности не сталкиваются – они дополняют друг друга. Мы оба знаем, что Шуйские давно хотят установить контроль над всеми магическими кланами.

Алексей задумался. Давняя вражда между Романовскими, со стихией ветра, и Шуйскими, со стихией огня, была общеизвестна – ещё его дед рассказывал о конфликтах, когда клан ветра мешал Шуйским расширять своё влияние. Союз с кланом ветра действительно мог изменить баланс сил.

– Я должен быть осторожен, – сказал он, внимательно глядя ей в глаза. – Мой отец... он что-то знал о «Тени

Аквилона». И его смерть до сих пор загадка. Перед тем как... – он запнулся, подбирая слова, – перед тем как всё случилось, он говорил о каком-то древнем договоре, нарушенном много лет назад. И о том, что ключ к разгадке – в архивах Романовских.

Анастасия внимательно слушала, не перебивая. В её глазах читалось понимание, а ещё – что-то неуловимое, будто она уже слышала часть этой истории, но не решалась сказать об этом вслух.

– «Тень Аквилона...» – тихо повторила она. – Это не просто легенда. Мой дед упоминал о нём в своих записях. Говорят, это артефакт, способный уравновесить силы стихий. Но чтобы его найти, нужно знать место и время.

Алексей ощутил, как внутри что-то дрогнуло. Возможно, это был шанс не просто выжить в завтрашнем поединке, но и раскрыть правду о гибели отца.

Когда танец закончился, музыка плавно затихла, оставив после себя едва уловимое эхо, Анастасия отступила на шаг. Она слегка склонила голову, и опалы в диадеме снова вспыхнули, словно прощаясь.

– Иногда, чтобы увидеть путь, нужно посмотреть с другой стороны, – загадочно произнесла она и, улыбнувшись, на этот раз чуть теплее, растворилась в толпе, оставив после себя лишь лёгкий аромат луговых цветов и ощущение чего-то важного, только что начавшегося.

Алексей остался стоять у колонны, глядя ей вслед. В голове крутились её слова, а в груди нарастало странное чувство – не просто настороженность, а надежда. Возможно, этот бал станет началом чего-то большего, чем просто противостояние с Шуйскими.

Охваченный смятением после разговора с Анастасией, Алексей вышел в сад. Лунный свет падал на дорожки, магические фонари мерцали, как светлячки, отбрасывая дрожащие блики на мраморные статуи и живые изгороди. Воздух был наполнен ароматами ночных цве-

тов и магии – где-то рядом явно проходили силовые линии рода Романовских, и их энергия смешивалась с ночной свежестью.

Он шёл, размышляя над словами Анастасии. «Тень Аквилона», архивы Романовских, предупреждение о планах Шуйских... Мысли крутились в голове, словно вихрь, который только что танцевал вокруг Анастасии. Алексей остановился у фонтана, где вода струилась бесшумно, а в её глубине мерцали зачарованные жемчужины. Он глубоко вдохнул, пытаясь упорядочить хаос в сознании.

И в этот момент из тени деревьев бесшумно выступил незнакомец. Чёрный плащ сливался с ночью, лицо скрывала маска в виде лисьей морды с узкими прорезями для глаз. От неё веяло чем-то древним и таинственным – словно сама маска была артефактом, пропитанным веками секретов.

Алексей замер. Что-то в фигуре незнакомца показалось ему знакомым – не черты лица (их скрывала маска), а сама осанка, чуть наклонённая вперёд поза охотника, готовность к прыжку.

– Алексей Воронцов, – произнёс незнакомец низким голосом, в котором слышались стальные нотки. – У меня есть информация о вашем отце.

Алексей напрягся, его пальцы непроизвольно сжались, а перстень на руке едва заметно потеплел – магия крови отреагировала на угрозу или на правду. Он почувствовал слабый импульс чужой магии: не грубой силы, а чего-то гибкого, изворотливого, словно ветер, меняющий направление.

– Кто вы? – спросил он, стараясь сохранить хладнокровие, хотя сердце забилося чаще.

Незнакомец чуть склонил голову, и в прорезях маски блеснули глаза – тёмно-карие, с золотистыми крапинками. Алексей вдруг вспомнил: он видел этот взгляд раньше. Год назад, на ярмарке магических артефактов, когда какой-то бродячий фокусник показывал трюки с исчезающими монетами. Тогда Алексей случайно задел его локтем, и тот обернулся – точно такие же глаза, насмешливые и проницательные.

– Тот, кто знает больше, чем следует, – ответил незнакомец, не меняя позы. – Возьмите.

Он протянул записку. Бумага была дорогой, без опознавательных знаков. Чернила пахли ладаном и чем-то

металлическим, будто в них добавили крупы железа. Алексей заметил на краю листа крошечный след – едва заметный отпечаток лапы, будто нарисованный пеплом. Он сразу понял: это знак «Чёрного Лиса».

О «Чёрном Лисе» ходили легенды. Говорили, что это не один человек, а целая сеть тайных агентов, работающих на тех, кто готов платить за информацию. Их узнавали по символу – отпечаткам лисьих лап, оставленным особым составом, который проявлялся лишь при лунном свете или рядом с магическими источниками. Иногда знак оставляли на документах, иногда – на стенах домов, намекая, что «Лис» уже побывал здесь.

Алексей развернул листок. Текст гласил:

«Твой отец не умер. Ищи в катакомбах».

Слова будто обожгли его изнутри. Мысли заметались: отец жив? Все эти годы он мог быть где-то рядом, а Алексей считал его погибшим... Но почему тогда он скрывался? И что за катакомбы имеются в виду – под усадьбой Воронцовых, под городом или где-то ещё?

– Подождите! – Алексей попытался схватить незнакомца за рукав, но тот ловко увернулся. – Кто вы? Откуда знаете? Почему решили сказать это именно сейчас?

– Время покажет, – прозвучало в ответ. Незнакомец сделал шаг назад, и Алексей уловил слабый запах можжевельника и дыма, ещё один признак «Чёрного Лиса». – Доверяйте ветру. Он принесёт ответы.

Незнакомец отступил ещё на шаг, и тень деревьев поглотила его. Алексей бросился следом, но там, где только что стоял «Чёрный Лис», не было никого – лишь колыхались ветви

да шелестел ночной ветер. На земле, у корней старого дуба, остался едва заметный отпечаток лисьей лапы, мерцающий пепельным светом. Через мгновение и он растаял.

Алексей остался один. Он ещё раз перечитал записку, вглядываясь в каждую букву. Почерк был аккуратный, ровный, явно принадлежащий человеку с выдержкой и опытом. Никаких подписей, никаких символов, кроме того крошечного отпечатка.

Он спрятал записку во внутренний карман, рядом с дневником отца. Магия перстня всё ещё слегка пульсировала, напоминая о себе.

«Чёрный Лис... – подумал Алексей. – Кто ты? Друг или враг? И почему ветер? Что он знает о „Тени Аквилона“ и о том, что случилось с отцом?»

Он поднял взгляд к луне. Её свет казался теперь не просто холодным сиянием, а чем-то осмысленным, почти говорящим. Ветер донёс до него шёпот листьев: «Доверяй ветру...»

Бал подходил к концу. Музыка стала тише, теряя былую торжественность – теперь это были лишь отголоски вальса, едва уловимые переборы арфы и одинокие ноты флейты. Кристаллы на стенах начали медленно гаснуть, погружая зал в мягкий полумрак, расцветенный последними бликами магического света. Гости начали прощаться, обмениваться любезностями и расходиться: кто-то направлялся к выходу, кто-то задерживался у буфета, чтобы в последний раз отведать изысканных угощений.

Алексей стоял у колонны, наблюдая за тем, как Анастасия прощается с гостями. Она улыбалась – тёплой, искренней улыбкой, которая, казалось, согревала каждого, кто оказывался рядом. Кивала, отвечала на поклоны с безупречной грацией наследницы клана, но её взгляд на мгновение задержался на нём. Она едва заметно кивнула – едва уловимый знак, который мог означать многое: «я помню наш разговор», «будь осторожен», «мы ещё увидимся», «не сдавайся».

Рядом с ней стоял её отец, глава клана Романовских. Высокий, с благородной сединой на висках и пронзительным взглядом серых глаз, он окинул Алексея внимательным взглядом – не оценивающим, не враждебным, а изучающим. Затем чуть склонил голову в знак уважения – не как к потенциальному противнику, а как к равному. Этот жест не ускользнул от внимания других гостей: кто-то удивлённо поднял брови, кто-то переглянулся с соседом, понимая, что между кланами может начаться что-то новое – возможно, союз, который изменит баланс сил в магическом мире.

Алексей почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло. До этого момента он воспринимал Романовских как далёкий, почти мифический клан, чьи традиции и сила были окутаны легендами. Но теперь перед ним стоял не просто могущественный маг, а человек, готовый признать достоинство другого рода – рода Воронцовых, который Шуйские пытались унижить.

Он принял решение. Он должен встретиться с Анастасией наедине, чтобы обсудить угрозу Шуйских и возможность союза. Ветер и кровь – две стихии, которые, казалось, должны были противостоять друг другу, могли стать опорой в борьбе против общего врага. Алексей вспомнил их танец, искры магии, вспыхнувшие при соприкосновении их рук, слова Анастасии о том, что противоположности могут дополнять друг друга.

Он бросил последний взгляд на опустевший зал. Потухающие кристаллы отбрасывали на пол причудливые тени,

напоминающие руны из дневника отца – те самые символы, которые он так долго пытался расшифровать. Одинокая фигура Алексея у окна, смотрящего на сад, где произошла встреча с «Чёрным Лисом», казалась маленькой в этом огромном пространстве, но в душе уже крепла решимость.

В кармане лежала записка – та самая, с загадочным посланием о катакомбах и живом отце. В памяти звучали слова Анастасии о «Тени Аквилона» и древнем договоре. Магия перстня на пальце едва ощутимо пульсировала, напоминая о родовом долге и крови предков.

«Ветер и кровь... – подумал он, глядя, как луна освещает дорожки сада. – Может ли такое сочетание стать силой, способной противостоять Шуйским? И если отец жив, что он знает о „Тени Аквилона“? Что он пытался передать мне перед тем, как исчез?..»

Мысли крутились в голове, складываясь в новую картину мира. Он больше не был одиноким наследником угасающего рода, загнанным в угол интригами Шуйских. У него появились союзники, подсказки, цель.

Алексей повернулся и направился к выходу. Он уходил с бала не просто участником светского мероприятия, а человеком, стоящим на пороге перемен. Теперь его путь вёл не только к дуэли, но и к новому союзу – с кланом ветра и той, кто олицетворял его силу. К союзу, который мог не просто спасти его жизнь, но и восстановить справедливость, вернуть честь рода Воронцовых и раскрыть тайны, погребённые под пеплом прошлого.

У самых дверей он на мгновение остановился, обернулся и бросил последний взгляд в зал. Анастасия всё ещё была там – она как будто почувствовала его взгляд и снова посмотрела в его сторону. На губах её играла лёгкая улыбка, а в глазах читалось понимание. Алексей кивнул ей – на этот раз открыто, без намёков. И вышел в ночь, чувствуя, как ветер шепчет ему вслед: «Доверяй ветру. Он принесёт ответы».

Глава 5. «Цена силы»

Алексей спускался в родовое подземелье Воронцовых – ступени из тёмного камня уходили вниз, в глубь земли, и с каждым шагом воздух становился всё тяжелее, плотнее. Ступени были неровными, выщербленными веками – некоторые чуть скошены, другие треснули посередине. Он держался за шершавую стену, чтобы не оступиться: перил здесь не было, да и не было никогда – подземелье создавалось не для удобства, а для силы.

Наконец он достиг нижней площадки. Перед ним открылось сырое, холодное помещение – зал с высоким сводчатым потолком, который терялся в полумраке. Каменные стены были покрыты древними рунами: одни выгравированы глубоко, почти чёрные от времени и впитавшейся магии; другие едва проступали, словно пытались скрыться от чужих глаз. Руны располагались хаотично – то собирались в группы, то тянулись вертикальными линиями, то образовывали сложные спирали.

Тусклый свет магических светильников – небольших сфер, закреплённых в железных кольцах на стенах, – подчёркивал тени, создавая иллюзию, будто символы шевелились. Когда Алексей сделал шаг, его тень упала на стену, и руны будто ожили: одна спираль начала медленно вращаться, другая линия изогнулась, третья вспыхнула тусклым красным светом на мгновение и погасла. Он тряхнул головой – это была игра света, но ощущение, что стены следили за ним, не прошло.

Воздух здесь был тяжёлым, густым, пропитанным запахом железа – не резким, а старым, затхлым, словно кровь много раз проливалась в этом месте и впиталась в камень. К нему прилавивался другой аромат – старой магии: что-то терпкое, сухое, напоминавшее высушенные травы и пепел. Дышать было трудно – каждый вдох отдавал лёгкой горечью на языке.

Алексей чувствовал усталость ещё до начала тренировки. Он почти не спал после бала: сначала был разговор с Анастасией, потом встреча с «Чёрным Лисом» в саду, потом долгие часы размышлений. Мысли крутились в голове, как те руны на стенах: слова Анастасии о союзе, предупреждение о планах Шуйских, загадочная записка «Твой отец не умер. Ищи в катакомбах». Он пытался найти связь между всем этим, понять, куда ведёт его путь, но ответов не было – только вопросы множились.

Сейчас, стоя в подземелье, он ощущал каждую бессонную минуту: мышцы ныли, веки тяжелели, а в висках пульсировала тупая боль. Но он знал – Марфа не потерпит слабости.

В подземелье его уже ждала Марфа Голицына. Она стояла у дальней стены, прямо под большой руной в виде воронёного круга с тремя каплями внутри. Суровая наставница из боковой ветви рода, хранительница традиций магии крови. Высокая, прямая, словно высеченная из того же камня, что и стены. Седые волосы были собраны в тугий узел на затылке, ни одна прядь не выбивалась. Тёмное платье строгого покроя почти сливалось с тенями, лишь серебряная брошь в виде ворона блестела холодным светом.

Марфа не подняла глаз, когда он вошёл, – она изучала что-то на полу: возможно, остатки предыдущего ритуала. Её пальцы, покрытые сетью тонких вен, слегка шевелились, будто перебирали невидимые нити магии. Когда она наконец повернулась к Алексею, её взгляд – острый, пронизывающий – сразу заметил его усталость.

– Долго идёшь, – её голос прозвучал глухо, отдаваясь эхом от каменных стен. – Магия не ждёт, когда ты соберёшься с силами. Время – роскошь, которую ты не можешь себе позволить, особенно сейчас.

Алексей выпрямился, стараясь скрыть дрожь в руках.

– Я готов, – сказал он твёрже, чем чувствовал себя на самом деле.

Марфа лишь хмыкнула, не отвечая сразу. Она сделала шаг вперёд, и свет светильников упал на её лицо – резкие черты, глубокие морщины у рта и глаз, следы многих лет, отданных

служению роду. В её глазах было не просто строгость, а что-то ещё: ожидание, проверка. Она знала, что стояло за его усталостью, но хотела увидеть, хватит ли у него воли преодолеть её.

– Посмотрим, – наконец произнесла она. – Создай руну тени. И на этот раз сделай это правильно.

Алексей глубоко вдохнул, стараясь унять дрожь в руках. Он достал ритуальный кинжал – лезвие тускло блеснуло в свете магических светильников. Медленным, выверенным движением он сделал надрез на ладони. Кровь потекла медленно, густая и тёмная, капнула на холодный каменный пол, оставив алое пятно.

Он начал чертить руну на полу, сосредоточившись на каждом штрихе. Пальцы дрожали, и линии получались неровными, прерывались там, где рука невольно соскальзывала. Алексей стиснул зубы и продолжил, стараясь придать символу правильную форму – три концентрических круга с пересекающимися их линиями, образующими сложную геометрическую фигуру.

Когда последний штрих был завершён, руна на мгновение замерцала тусклым красным светом, словно тлеющий уголёк. Но вместо того чтобы разгореться, сияние дрогнуло и рассеялось через несколько секунд, оставив после себя лишь слабый запах гари и едва заметный алый отблеск на камне.

Алексей сжал кулаки, чувствуя, как разочарование смешивается с усталостью. Он вытер ладонь о рукав, оставив на ткани тёмное пятно, и начал заново. Снова кровь, снова кропотливое вычерчивание линий – он старался быть точнее, контролировать каждое движение. Но результат оказался тем же: руна вспыхнула на миг и тут же погасла, не успев обрести силу.

На третьей попытке Алексей вложил в ритуал больше силы. Он закрыл глаза, сосредоточился на внутренней энергии рода, ощутил, как магия крови пробуждается в венах. Когда он вновь начал чертить символ, линии ложились ровнее, а кровь текла обильнее – он намеренно углубил надрез.

Руна вспыхнула ярче, чем прежде: алое сияние окутало её, отбрасывая кровавые блики на стены. На мгновение показалось, что на этот раз всё получится – символ запульсировал, словно живое сердце. Но внезапно свет резко погас, а мощный откат ударил по Алексею.

Он упал на колени, его замутило, перед глазами потемнело. В ушах зазвенело, а тело будто налилось свинцом. Он едва успел ухватиться за шершавую стену, чтобы не рухнуть лицом на пол. Дыхание сбилось, руки дрожали, а в висках пульсировала острая боль.

Марфа наблюдала за происходящим холодно, без малейшего сочувствия. Она не сделала ни шага, чтобы помочь, лишь скрестила руки на груди и слегка приподняла бровь, оценивая результат.

– Слабо, – произнесла она жёстко, её голос разрезал тишину подземелья, как лезвие. – Ты трагишь силы впустую. Магия крови не терпит слабости. Если не научишься контролировать поток энергии, то никогда не овладеешь рунами высшего порядка. Твой отец в твоём возрасте уже активировал подобные символы с первого раза.

Она сделала паузу, давая словам осесть в сознании Алексея, затем добавила:

– Встань. И начни снова. На этот раз сосредоточься не на форме, а на намерении. Руна – не просто рисунок. Это воплощение твоей воли. Покажи ей, кто здесь хозяин.

Алексей медленно поднялся, опираясь на стену. Ладонь пульсировала болью, а усталость давила на плечи, но он кивнул, стиснув рукоять кинжала крепче. Он понимал: отступить нельзя.

Марфа помогла Алексею подняться, поддерживая его под локоть с неожиданной для её суровой натуры заботой. Затем достала из кармана тёмного платья небольшой хрустальный флакон с янтарной жидкостью и вложила его в руку Алексея.

– Выпей, – приказала она негромко. – Это укрепит силы и прояснит разум. Нам нужно поговорить.

Алексей открутил пробку и сделал глоток. Зелье обожгло горло, но почти мгновенно по телу разливалась тёплая волна – дрожь в руках утихла, туман в голове рассеялся, а боль в ладони от пореза притупилась. Он глубоко вдохнул и посмотрел на наставницу.

– Магия крови требует платы, – начала Марфа, её голос звучал глухо в тишине подземелья. – Твой отец платил жизнями других. Ты сможешь так же?

Алексей замер, не донеся флакон до губ. Слова Марфы ударили его, словно пощёчина. Он почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а пальцы невольно сжали хрустальный сосуд.

– Что ты имеешь в виду? – прошептал он. – Отец никогда... Он был справедливым, благородным...

Марфа прервала его резким движением руки. Её глаза сверкнули в полумраке, отражая свет магических светильников.

– Он использовал слуг для активации древних рун, – произнесла она твёрдо, чеканя каждое слово. – Без этого род не выжил бы. Ты думаешь, сила даётся просто так? Магия крови – не дар, а договор. Каждый мощный ритуал, каждая великая руна требуют жертвы. Твой отец знал это и делал то, что было необходимо.

В памяти Алексея вдруг всплыли картины детства: странный кашель старого конюха, который внезапно умер после посещения родового склепа; горничная, упавшая с лестницы в тот день, когда отец активировал защитный барьер вокруг усадьбы; садовник, найденный без сознания у древних камней сада – тогда ему сказали, что мужчина отравился грибами. Все эти смерти, которые он помнил смутно, как далёкие тени, теперь сложились в жуткую мозаику.

– Воронцовы всегда платили кровью, – продолжала Марфа, и её голос стал тише, но от этого звучал ещё весомее. – Иногда – чужой. Это цена, которую мы несём за силу рода. Готов ли ты продолжить традицию?

Алексей молчал, пытаясь осознать услышанное. В груди бушевала буря эмоций: шок, неверие, отвращение к тому, что он только что узнал, и – где-то глубоко – страх перед выбором, который ему предстояло сделать. Магия его рода, наследие Воронцовых, оказалась связана с жестокостью, с принесением других в жертву ради собственной силы.

Он вспомнил танец с Анастасией, искры магии ветра, смешивающиеся с магией крови, её слова: «Ветер и кровь могут дополнять друг друга». Тогда эти слова показались ему обещанием нового пути, возможностью объединить две стихии во благо. Но как совместить это с тем, что он только что услышал? Как построить союз, основанный на взаимопомощи, если его собственная магия требует жертв?

Перед глазами встал образ отца – не величественного мага, каким он его помнил, а человека, совершавшего тёмные поступки ради сохранения силы рода. Алексей сжал кулаки, чувствуя, как под ногтями впиваются в кожу.

– Значит, нет другого пути? – спросил он хрипло, поднимая взгляд на Марфу. – Только жертвы? Только кровь?

Марфа вздохнула, впервые за всё время разговора в её взгляде промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

– Традиция говорит, что нет. Но выбор всегда остаётся за тобой. Ты наследник рода Воронцовых. Решать тебе, каким путём пойдёшь – тем, что проложили предки, или каким-то иным. Но помни: магия крови не прощает слабости и сомнений.

Алексей опустил голову, обдумывая её слова. В подземелье повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием магических светильников и его собственным прерывистым дыханием. Он понимал: сейчас решается не просто его судьба – судьба всего рода. И от его решения зависело, останется ли магия крови такой же жестокой, какой была веками, или найдёт новый путь.

После тренировки Алексей поднялся в свои покои. Усталость всё ещё давила на плечи, но он заставил себя сосредоточиться – нужно было обдумать слова Марфы и решить, как действовать дальше.

Он вошёл в комнату и замер на пороге. Что-то было не так. Алексей медленно огляделся, пытаясь понять, что именно его насторожило.

Сначала он обратил внимание на свитки, лежавшие на рабочем столе. Ещё утром он аккуратно сложил их стопкой, отсортировав по дате и важности. Теперь же они валялись в беспорядке: один свиток наполовину скатился на пол, другой развернулся, обнажив древние записи о родовом древе Воронцовых.

Алексей подошёл ближе и провёл пальцем по поверхности стола. Пыль лежала неровно – будто кто-то недавно касался свитков и не слишком заботился о том, чтобы оставить всё как было.

Затем его взгляд упал на дневник отца. Алексей всегда держал его в левом углу стола, под тяжёлым хрустальным пресс-папье. Сейчас книга сдвинулась почти к самому краю, а пресс-папье стоял чуть в стороне, словно его сдвинули и потом торопливо поставили обратно.

Сердце Алексея забилось чаще. Он обошёл комнату, внимательно осматривая каждый уголок. Возле камина, на каменном полу, он заметил едва заметный след от сапога. Отпечаток был чётким – видно, что человек стоял здесь какое-то время. Алексей сразу понял: это не след его обуви и не след кого-либо из его слуг. У них были другие сапоги – с более гладкой подошвой и без такого глубокого рисунка протектора.

Он присел на корточки, разглядывая отпечаток. В голове пронеслось: «Кто-то рылся в моих вещах. И делал это целенаправленно – искал что-то конкретное».

Алексей выпрямился и прошёлся по комнате, заложив руки за спину. Мысли метались:

Что искали? Знал ли шпион, что именно он ищет? Как давно за ним следят? Кто мог предать его в собственном доме?

Он вспомнил слова Марфы: «Это только один из многих». Значит, угроза была серьёзнее, чем казалось. В доме Воронцовых завелся шпион, и, скорее всего, не один.

«Шуйские щедро платят», – прозвучали в памяти слова пойманного слуги. Значит, враг действовал не в открытую, а через подкуп и интриги.

Алексей остановился у окна и посмотрел на сад. В голове начал складываться план.

«Если они хотят что-то найти, – я дам им это, – подумал он. – Но не настоящее, а приманку».

Решение пришло само собой: нужно устроить ловушку. Он оставит фальшивую записку с указанием на тайник, где якобы хранится важный артефакт. Если шпион клюнет, Алексей сможет не только поймать его с поличным, но и узнать больше о планах Шуйских.

Он подошёл к письменному столу, достал чистый лист пергамента и перо. Руки всё ещё слегка дрожали после тренировки, но взгляд был твёрдым, а мысли – чёткими. Алексей знал: сейчас он делает первый шаг в новой игре, где ставки выше, чем когда-либо.

Алексей оставил на столе фальшивую записку. Чётким, нарочито разборчивым почерком он вывел:

«Тайник с артефактом „Тень Аквилона“ – под третьим камнем у северной стены сада. Пароль: „Ветра помнят“».

Он специально положил записку на самое видное место – прямо поверх раскрытой книги с древними записями о родовом древе Воронцовых. Страницы фолианта слегка шевелились от сквозняка, будто пытались скрыть послание, но Алексей аккуратно расправил лист пергамента, чтобы тот бросался в глаза любому, кто войдёт в комнату.

Затем он окинул взглядом покои, проверяя, всё ли выглядит естественно. Свитки лежали в том же беспорядке, что и раньше, – будто он только что изучал их и отложил в сторону.

Дневник отца стоял на своём месте, но чуть выдвинутый вперёд, чтобы создать впечатление, будто Алексей недавно его открывал. На столе царил творческий хаос – чернильница, перо, несколько исписанных листов, – всё это должно было убедить шпиона, что хозяин комнаты ушёл в спешке, забыв прибрать вещи.

Убедившись, что всё готово, Алексей сделал вид, что уходит на ужин. Он нарочито громко закрыл за собой дверь, спустился на пару ступеней по лестнице и замер, прислушиваясь. В доме царила обычная вечерняя суэта: где-то звенела посуда, доносились приглушённые голоса слуг, скрипели половицы. Удовлетворенно кивнув, он бесшумно поднялся обратно и проскользнул в соседнюю комнату – небольшую гардеробную, соединённую с его покоями потайной дверью.

Алексей осторожно приоткрыл створку на несколько сантиметров, оставив узкую щель для обзора. Из этого укрытия он

мог видеть стол и дверь в свои покои. Затем он сел на старый сундук, покрытый пыльным бархатным покрывалом, и приготовился ждать.

Часы тянулись мучительно медленно. В тишине гардеробной каждый звук казался преувеличенно громким: тиканье старинных часов в коридоре, далёкий гул голосов, шорох мышей за стеной. Алексей напряжённо вслушивался, стараясь уловить шаги в коридоре. Его сердце билось ровно, но в груди нарастало волнение – он понимал, что сейчас решается многое. Если шпион клюнет на приманку, он не только поймает предателя, но и, возможно, узнает что-то важное о планах Шуйских.

Он в очередной раз проверил кинжал у пояса – оружие должно было пригодиться, если ситуация выйдет из-под контроля. В голове прокручивались возможные сценарии: что делать, если шпион будет не один? А если у него окажется магическая защита? Алексей глубоко вдохнул, стараясь успокоиться. Он знал, что должен оставаться хладнокровным – от этого зависел успех всей затеи.

Время шло. За окном сгущались сумерки, и в комнате становилось всё темнее. Свет магических светильников в коридоре едва пробивался сквозь щель в двери. Алексей сидел неподвижно, почти не дыша, и ждал. Он был готов ждать хоть всю ночь – слишком многое стояло на кону.

Ночью раздался скрип двери – кто-то прокрадывался в покои. Звук был едва уловимым, но Алексей сразу его услышал: он сидел в темноте гардеробной, не шевелясь уже несколько часов, и каждое изменение в тишине казалось ему кричащим.

Фигура в тёмном плаще скользнула внутрь, бесшумно, почти призрачно. Незванный гость замер на пороге, прислушиваясь. В свете магических светильников, пробивавшемся из коридора, очертания человека казались размытыми, почти нереальными. Но Алексей разглядел главное: плащ был длинным, с капюшоном, скрывающим лицо, а движения – осторожными, выверенными.

Незнакомец быстро осмотрелся, затем направился прямо к столу. Его взгляд сразу упал на записку – она лежала поверх открытой книги, как и задумал Алексей. Фигура наклонилась, осторожно взяла пергамент, поднесла ближе к свету, чтобы прочесть. Пальцы слегка дрожали, когда он разворачивал лист.

Когда незнакомец прочитал записку, его плечи чуть расслабились – он явно обрадовался находке. Затем начал осматривать комнату в поисках тайника: подошёл к окну, провёл рукой по подоконнику, проверил пространство под столом, даже приподнял край ковра, будто ожидал увидеть люк.

Алексей, затаив дыхание, наблюдал из своего укрытия. Сердце билось часто и гулко, отдаваясь в висках. Он дождался момента, когда слуга, увлечённый поисками, повернулся к нему спиной, и бесшумно вышел из гардеробной.

– Что ты ищешь? – резко спросил Алексей, шагнув вперёд.

Слуга вздрогнул так сильно, что записка выпала из его рук. Он резко обернулся, и в этот момент капюшон соскользнул с головы. Алексей узнал его мгновенно – это был Михаил, молодой парень лет двадцати, которого он знал с детства. Они вместе играли в саду, когда были мальчишками; Михаил помогал Алексею ухаживать за лошадьми, чистил его оружие, сопровождал на прогулках. Всегда улыбчивый, преданный, готовый помочь...

Михаил побледнел. Его глаза расширились от ужаса и осознания, что его поймали. Не говоря ни слова, он бросился к двери, пытаясь проскочить мимо Алексея. Но тот среагировал мгновенно: рванулся вперёд и схватил его за рукав плаща. Ткань затрещала, но выдержала.

– Отпусти! – выкрикнул Михаил, дёргаясь изо всех сил. – Пусти меня!

– Стоять! – голос Алексея прозвучал жёстко, непривычно холодно даже для него самого. – Объяснись. Зачем ты здесь?

Михаил замер, тяжело дыша. Его плечи опустились, а лицо исказилось от отчаяния. Он посмотрел на Алексея – в его глазах читались страх, стыд и какая-то отчаянная решимость.

– Шуйские щедро платят! – в отчаянии выкрикнул он. – Они обещали мне свободу и золото! Много золота! Я смогу уехать отсюда, начать новую жизнь... Ты не понимаешь, Алексей! У меня мать больна, ей нужны лекарства, а жалованья не хватает даже на еду. Я не хотел, но... они нашли меня, предложили выход.

Алексей стоял неподвижно, словно окаменев. Слова Михаила ударили его сильнее любого заклинания. Тот, кому он доверял, с кем делил детские секреты, кого считал почти другом – предал его. Ради денег. Ради возможности

сбежать.

Он разжал руку, отпуская рукав Михаила. Тот отшатнулся, сделал шаг назад, ожидая удара или приказа схватить его, но Алексей просто смотрел – с болью, разочарованием, горечью.

– Значит, ты продал нас, – тихо произнёс Алексей. – Продавал секреты рода за золото Шуйских.

Михаил опустил голову, избегая его взгляда.

– Я... я не думал, что это так важно, – пробормотал он. – Просто записки, свитки... Я не знал, что они планируют что-то серьёзное. Думал, это просто информация для них.

Алексей сжал кулаки, пытаясь унять дрожь в руках. Боль предательства жгла изнутри, но он заставил себя говорить ровно:

– Уходи, – сказал он. – Уходи сейчас же. И больше никогда не возвращайся в этот дом.

Михаил поднял глаза, в них мелькнуло облегчение. Он кивнул, развернулся и почти выбежал из комнаты, оставив записку лежать на полу.

Алексей остался один. Он подошёл к столу, поднял пергамент, сжал его в руке. В груди бушевала буря эмоций: гнев, обида, разочарование. Но сквозь них пробивалась холодная ясность – теперь он точно знал: враг действует внутри дома, используя слабости людей. И чтобы противостоять Шуйским, ему нужно быть сильнее – не только в магии, но и в принятии трудных решений.

На шум прибежала Марфа в сопровождении нескольких слуг. Она появилась в дверях покоев Алексея первой – высокая, прямая, с тем же непроницаемым выражением лица, что и всегда. Слуги столпились позади неё, перешёптываясь и бросая любопытные взгляды на Михаила, который стоял, опустив голову, возле стола.

Марфу не удивило признание слуги. Она окинула его холодным взглядом, чуть приподняла бровь, словно оценивая, насколько он жалок в этот момент, и коротко приказала:

– Изгнать. Немедленно. И проследите, чтобы он не унёс с собой ничего из дома Воронцовых.

Михаил вздрогнул, поднял глаза на Марфу, потом на Алексея. В его взгляде читалась мольба, но ни в глазах наставницы, ни в глазах бывшего друга он не нашёл ни капли сочувствия.

Двое слуг подошли к нему, взяли под руки и вывели из комнаты. Михаил не сопротивлялся – он шёл, ссутулившись, будто разом постарел на десять лет.

Когда слугу увели, Марфа повернулась к Алексею. Её лицо оставалось бесстрастным, но в глазах читалась какая-то давняя усталость, словно она уже много раз видела подобные сцены.

– Это только один из многих, – произнесла она ровным голосом. – В роду всегда были те, кто продавался за золото или власть. Слабые духом, жадные, трусливые – они ищут лёгкий путь, не понимая, что предадут самих себя.

Она сделала паузу, подошла ближе к окну и посмотрела в темноту ночи, будто пытаясь разглядеть там ответы на невысказанные вопросы.

– Шуйские давно ищут способ ослабить нас, – продолжила Марфа. – Они знают, что магия крови слабеет без единства рода. Раскол, недоверие, предательство – вот их оружие. Они не бьют в открытую, а подтачивают фундамент, пока дом не рухнет сам.

Алексей слушал, чувствуя, как в груди нарастает тяжесть. Он понимал: проблема действительно глубже, чем один шпион. Предательство проникло в сам дом Воронцовых, разъедавая его изнутри, как ядовитый мох. Мысли крутились в голове, выстраиваясь в мрачную картину: отец, плативший жизнями слуг за силу рода; Марфа, хранящая эти страшные тайны; Шуйские, плетущие интриги; и он сам – стоящий на перепутье.

Оставшись один, Алексей сел у окна. Он долго смотрел на сад. Тёмные силуэты деревьев казались зловещими, а дорожки, выложенные камнями, напоминали линии рун – такие же загадочные и опасные.

Он перебрал в уме всё, что узнал за последние дни:

Цена магии крови – жестокость и жертвы. Традиции, которые казались незыблемыми, теперь выглядели как цепи, сковывающие род.

Предатели среди своих. Доверие, которое он считал естественным, оказалось хрупким и уязвимым.

Шуйские действуют не в открытую, а через интриги. Их сила – в умении использовать слабости других.

В памяти всплыли слова Анастасии о союзе: «Ветер и кровь могут дополнять друг друга». Он вспомнил её танец, искры магии ветра, смешивающиеся с магией крови, её искренний взгляд. В тот момент он не до конца понимал, что она имеет в виду, но теперь эти слова обрели новый смысл.

Постепенно в голове Алексея начало складываться решение – чёткое и неожиданное для него самого:

Нельзя идти путём отца. Магия крови не должна требовать жертв невинных. Традиции нужно изменить, а не слепо следовать им.

Нужно найти «Тень Аквилона». Возможно, артефакт даст новый источник силы – не основанный на крови, а объединяющий стихии.

Союз с Романовскими – единственный шанс спасти род. Ветер и кровь, вместе, могут противостоять огню и тени Шуйских.

За окном начало светать. Первые лучи рассвета прорезали темноту, окрашивая небо в розовые и золотые тона. Лёгкий ветерок качнул ветви деревьев в саду, и Алексею показалось, что он услышал шёпот – не слов, а ощущений: обещание перемен, надежду на новый путь.

Он глубоко вдохнул утренний воздух, расправил плечи и поднялся. День дуэли приближался, и он знал: сегодня всё изменится. Он больше не будет слепо следовать традициям – он создаст новые правила, где сила не будет стоять чьей-то жизни, а союз станет крепче любых проклятий.

Глава 6. «Ловушка на охоте»

Туман окутал леса Воронцовых, словно саван – плотный, почти осязаемый, он стелился по земле, обвивал стволы вековых деревьев, скрывал тропы и овраги. Алексей стоял на опушке, вглядываясь в сероватую дымку, и чувствовал, как внутри нарастает тревога, холодная и липкая, будто сама природа предупреждала его об опасности.

Утром он получил формальное приглашение от Григория Шуйского на «мирную охоту» – якобы для примирения перед дуэлью. Послание доставили с утренней почтой: пергамент с печатью Шуйских, лаконичный текст, написанный каллиграфическим почерком, и едва уловимый запах ладана, будто бумагу окуривали перед отправкой. Алексей перечитал строки трижды, пытаясь уловить скрытый смысл, но формулировки были безупречны – ни вызова, ни угрозы, лишь предложение «забыть распри на время охоты».

Марфа, узнав о приглашении, нахмурилась и предостерегла:

– Шуйские не знают слова «мир». Будь начеку. Они не станут играть по правилам чести, если видят возможность нанести удар исподтишка.

Алексей понимал её опасения. Род Шуйских славился коварством: их магия сочетала древние проклятия с новейшими паровыми механизмами, а в политике они предпочитали интриги открытой борьбе. Но отказаться от приглашения значило показать слабость – перед родом, перед слугами, перед самим собой.

Алексей проверил снаряжение с особой тщательностью – каждое прикосновение к привычным предметам давало ему толику уверенности перед тем, что ждало впереди.

За поясом покоился ритуальный кинжал: лезвие из воронёной стали украшали тонкие гравировки рун защиты, а рукоять, обтянутая кожей дракона, оказалась слегка тёплой на ощупь – будто живое существо, готовое откликнуться на зов. Алексей провёл пальцем по узорам: руны слабо засветились мягким красноватым светом, подтверждая связь с магией крови, пульсирующей в его венах.

На груди, под одеждой, лежал амулет рода – серебряный круг с вкраплениями лунного камня. При каждом движении камни едва уловимо мерцали, отбрасывая на кожу призрачные блики. Алексей невольно коснулся его – и по телу разлилась волна спокойствия. Казалось, сквозь века на него смотрят предки: не осуждая, не требуя, а оберегая. В этом прикосновении читалась древняя сила, вековая мудрость и незримая поддержка тех, кто носил амулет до него.

В кармане притаился плоский хрустальный флакон с укрепляющим зельем – всего три глотка, но каждый мог подарить прилив сил в самый критический момент. Янтарная жидкость внутри слегка пульсировала, словно живое сердце, готовое поделиться своей энергией. Алексей на мгновение поднёс флакон к свету – в глубине мерцали искорки, будто звёзды, запертые в стекле.

В отдельном кожаном футляре покоилась запасная магическая свеча. Её воск был смешан с порошком из сушёных трав и зачарован на создание защитного круга – если придётся остановиться и дать отпор, она поможет выстроить барьер между ним и врагами.

Наконец, он пересчитал металлические диски с начертанными рунами – миниатюрные ловушки, готовые сработать при малейшем касании. Гладкие, увесистые, они удобно легли в ладонь. Алексей разложил их по мешочкам на поясе так, чтобы можно было быстро достать в бою. Каждый диск хранил в себе заклинание: один ослеплял вспышкой света, другой создавал облако удушливого дыма, третий вызывал кратковременный паралич.

Убедившись, что всё на месте, Алексей сделал глубокий вдох. Предметы, проверенные и подготовленные, больше не казались просто вещами – они стали продолжением его воли, союзниками в грядущей схватке. Теперь он был готов шагнуть в туман леса, навстречу неизвестности, зная: пока эти артефакты с ним, он не один.

Алексей глубоко вдохнул сырой утренний воздух – запах прелых листьев, влажной земли и хвои смешался с едва уловимым металлическим привкусом магии. Он сделал шаг вперёд, и туман тут же сомкнулся за его спиной, словно отрезая путь назад.

По дороге в глубь леса он заметил странные следы магии – мерцающие нити, протянувшиеся между деревьями, будто паутина, но с голубоватым свечением. Когда он протянул руку, чтобы коснуться одной из нитей, та дрогнула и рассыпалась искрами. Обрывки заклинаний витали в воздухе – обрывки формул, фрагменты проклятий, неуловимые отголоски чьих-то намерений.

Природа словно замерла: ни пения птиц, ни шороха зверей, ни даже ветра, который обычно шелестел листвой. Только туман, тишина и тревожное предчувствие, становившееся всё сильнее с каждым шагом. Деревья, некогда знакомые до последнего сучка, теперь казались чужими – их ветви склонялись слишком низко, тени ложились неестественно резко, а тропинка, которую он знал с детства, вдруг разветвлялась там, где раньше была прямая дорога.

Алексей остановился, прислушиваясь. Где-то вдалеке раздался треск – будто кто-то наступил на сухую ветку. Но звук был слишком чётким, слишком нарочитым, словно его создали специально, чтобы привлечь внимание.

«Они уже здесь», – подумал Алексей, сжимая рукоять кинжала. Он знал: охота началась ещё до того, как прозвучал первый выстрел. И на этот раз добычей мог оказаться он сам.

Встреча с Григорием Шуйским произошла на большой поляне, залитой бледным утренним светом. Туман здесь был реже, и сквозь его ключья пробивались первые лучи солнца, отбрасывая длинные тени от деревьев. Поляна уже была занята: свита противника расположилась с показной непринуждённостью, но Алексей сразу отметил, что все стоят так, чтобы контролировать пространство вокруг.

Григорий, высокий и статный, в дорогом охотничьем костюме из тёмно-зелёного бархата с серебряной вышивкой, шагнул вперёд и широко улыбнулся. Его плащ с меховой оторочкой был откинут назад, открывая пояс с магическими артефактами – Алексей разглядел кристалл управления паровыми механизмами и амулет подавления воли.

– Рад, что ты принял моё приглашение, Алексей, – произнёс Григорий, протягивая руку. Его голос звучал искренне, почти дружески. – Мир лучше вражды, не так ли?

Алексей медлил с ответом. Он посмотрел на протянутую руку, затем в глаза Григория – в них плясали хитрые огоньки, а улыбка не затрагивала взгляда.

– Посмотрим, – сдержанно ответил Алексей, коротко пожав руку противника. Прикосновение было холодным, неприятным.

Алексей окинул взглядом людей Шуйских – их было семеро, крепкие, широкоплечие мужчины в практичных охотничьих нарядах приглушённых лесных оттенков. Одежда не выдавала в них магов – скорее опытных егерей, привыкших к долгим вылазкам в глушь. Но вооружение сразу рассеивало это обманчивое впечатление.

У первого, коренастого брүнета с жёстким взглядом, на руках красовались массивные металлические перчатки, испещрённые рунами паралича. Металл отливал тусклым свинцовым блеском, а в углублениях гравировок мерцали крохотные искры – знаки активной магии. Перчатки выглядели не как оружие, а как продолжение его собственных рук, готовое в любой момент сковать жертву невидимыми оковами.

Рядом стоял светловолосый мужчина с холодной улыбкой – в его руках покоился небольшой свиток, запечатанный восковой печатью с гербом Шуйских. Бумага казалась старой, почти ветхой, но от неё исходило едва уловимое магическое напряжение. Алексей понял: внутри – готовое заклинание, которое можно активировать мгновенно, без долгих формул и жестов.

Третий, высокий и сутулый, носил на шее ожерелье из чёрных камней неправильной формы. Камни были отполированы до матового блеска и располагались на тонкой серебряной цепочке. Они не сверкали, не переливались – напротив, словно поглощали свет вокруг, созда-

вая вокруг владельца едва заметную тень. Алексей знал: это артефакт подавления магии, способный ослабить любого чародея в радиусе нескольких шагов.

Ещё двое держались чуть поодаль, сжимая в руках паровые кнуты. Устройства выглядели как гибрид старинного оружия и новейших технологий: кожаные рукояти соединялись с гибкими металлическими стержнями, внутри которых что-то тихо шипело и пульсировало. Из сопел у основания кнутов вырывались тонкие струйки дыма, а на стыках деталей поблёскивали миниатюрные шестерёнки. При каждом движении владельцев кнуты слегка подрагивали, будто живые существа, готовые в любой момент выпустить струи пламени.

Остальные двое не демонстрировали артефактов открыто, но Алексей чувствовал исходящую от них магическую ауру – вероятно, скрытые амулеты или зачарованное оружие под одеждой. Все семеро стояли полукругом, расставив ноги для устойчивости, с выражением спокойной уверенности на лицах. Они не нервничали, не переговаривались – будто заранее знали, что исход этой «охоты» предрешён.

Алексей сжал рукоять кинжала, ощущая, как магия крови отзывается на угрозу. Он понимал: перед ним не просто охотники. Это отряд, собранный специально для того, чтобы сломить волю рода Воронцовых – сочетание древних чар и новейших механизмов, отточенная тактика и безжалостная решимость.

Один из слуг Григория держал на поводке странное существо – помесь волка и ящера, с чешуйчатой шкурой и горящими красными глазами. Тварь принюхивалась, поводя носом в сторону Алексея.

– Прекрасная погода для охоты, – продолжил Григорий, делая вид, что не замечает настороженности Алексея. – Говорят, в этих лесах завелся крупный вепрь – настоящий монстр, с клыками длиной в локоть. Мы могли бы объединиться, чтобы изловить его.

– Или он изловит нас, – заметил Алексей, не сводя глаз с чудища на поводке.

Григорий рассмеялся:

– О, не стоит беспокоиться! Мои люди знают, что делать. Но ты прав – чтобы увеличить шансы на добычу, предлагаю разделиться. Ты пойдёшь с парой моих охотников в восточную часть леса, я с остальными – в западную. Так мы охватим большую территорию.

Алексей понимал, что это ловушка. Разделиться означало оказаться в окружении людей Шуйских без поддержки. Но отказаться – значит показать страх и дать повод для насмешек.

– Хорошо, – кивнул он. – Я согласен. Но с одним условием: мои люди пойдут со мной.

Григорий на мгновение замер, его улыбка дрогнула, но он быстро взял себя в руки:

– Разумеется! Как я мог забыть о твоём доверии к слугам. Пусть двое твоих сопровождающих присоединятся к группе.

Алексей позвал двух верных слуг – старого егеря Игната и молодого мага Кирилла. Оба были вооружены и насторожены.

– Будьте начеку, – тихо бросил им Алексей. – И держитесь рядом.

Когда он углубился в лес в сопровождении двух охотников Шуйских и своих людей, странные звуки стали отчётливее. Треск веток раздавался там, где не должно быть зверей – слишком высоко, будто кто-то передвигался по кронам деревьев. Тени мелькали между стволами, но когда Алексей оборачивался, там никого не было.

Воздух наполнился запахом железа и серы – явный признак магического напряжения. Под ногами начали появляться странные отметины: круги из пепла, рассыпанные кристаллы соли, обрывки пергамента с начертанными рунами. Один из охотников Шуйских «случайно» отстал, что-то поправляя на сапоге, но Алексей заметил, как тот бросил на землю маленький металлический шарик, который тут же исчез в траве.

«Магические капканы», – понял Алексей. Его ладонь непроизвольно сжалась на рукояти ритуального кинжала. Он бросил короткий взгляд на Игната и Кирилла – оба тоже заметили неладное и теперь шли, держа оружие наготове.

Лес вокруг словно затаил дыхание. Даже ветер стих, а туман стал гуще, скрывая очертания деревьев всего в нескольких шагах. Алексей знал: настоящая охота только начинается. И на этот раз добычей могли стать он и его люди.

Алексей замедлил шаг, давая своим людям поравняться с ним. Он чуть заметно кивнул в сторону охотников Шуйских, которые шли впереди, и тихо произнёс:

– Игнат, Кирилл, будьте начеку. Что-то здесь не так.

Старый егерь, седовласый и коренастый, с обветренным лицом и цепким взглядом, чуть склонил голову, прислушиваясь к лесу. Его рука лежала на рукояти охотничьего ножа – не магического, но заточенного до бритвенной остроты.

– Да, молодой господин, – прошептал Игнат хриплым голосом. – Лес молчит. Ни птиц, ни зверей. И запах... Железо и сера. Так пахнет магия Шуйских.

Кирилл, молодой маг с бледным лицом и внимательными серыми глазами, нервно провёл рукой по коротким тёмным волосам. Он достал из кармана небольшой кристалл на цепочке – детектор магии – и бросил взгляд на его поверхность. Кристалл слабо мерцал красным.

– Магические следы повсюду, – подтвердил Кирилл. – Капканы, сигнальные нити, что-то ещё... Более сложная структура, чем обычно. Они готовились заранее.

Алексей сжал рукоять кинжала.

– Думаете, это ловушка?

Игнат хмыкнул:

– А вы сомневались, господин? Шуйские не приглашают на охоту ради забавы. Они хотят чего-то. Или кого-то.

– Меня, – мрачно уточнил Алексей. – Но зачем? Почему не напали открыто?

Кирилл перевёл взгляд на двух охотников Шуйских впереди. Те шли спокойно, будто ничего не замечая, но молодой маг уловил, как один из них чуть заметно коснулся амулета на шее.

– Возможно, им нужно что-то большее, чем просто убить вас, – предположил Кирилл. – Может, они хотят захватить живым. Или заставить использовать магию крови в определённых условиях. Видите эти пепельные круги на земле? Это метки для привязки заклинания. Если вы активируете руну в таком месте, её сила пойдёт не туда, куда нужно вам.

Алексей нахмурился:

– То есть они хотят спровоцировать меня на применение магии?

– Именно, – кивнул Кирилл. – А потом использовать это против вас. Возможно, даже записать ритуал и передать своим магам.

Игнат бросил косо́й взгляд на охотников Шуйских и понизил голос ещё сильнее:

– Если начнётся заварушка, держитесь ко мне поближе, господин. Я знаю эти леса как свои пять пальцев. Есть тропы, о которых Шуйские не догадываются. Мы можем уйти в глубь, к старым штольням. Там их механизмы не пройдут – слишком узко и сыро для паровых машин.

Алексей кивнул:

– Хорошо. План такой: пока идём дальше, но будьте готовы к отступлению. Кирилл, следи за магическими следами. Как только заметишь концентрацию силы – предупреди. Игнат, держи путь к штольням в голове. И... постарайтесь не провоцировать их первыми. Пока не будет прямой угрозы – играем по их правилам.

Кирилл сглотнул:

– Но если они нападут...

– Тогда действуем по обстановке, – твёрдо сказал Алексей. – Защищайтесь, но старайтесь не убивать. Пока мы не знаем их истинных целей, лишние жертвы ни к чему. И ещё... – он сделал паузу, глядя каждому в глаза, – спасибо, что пошли со мной. Я это ценю.

Игнат коротко улыбнулся – впервые за утро:

– Мы служим роду Воронцовых, господин. И вам лично. Не впервой разбираться с кознями Шуйских. Всё будет хорошо.

Кирилл расправил плечи и сжал в руке кристалл:

– Я готов. И магия тоже.

Охотники Шуйских впереди замедлили шаг, один из них обернулся и бросил через плечо:

– Что-то вы отстаёте, господа. Не устали ещё?

Алексей выпрямился, стараясь выглядеть расслабленным:

– Просто любимся лесом. Он прекрасен в это время года.

Охотник усмехнулся, но ничего не ответил. Лес вокруг продолжал хранить зловещую тишину, а запах железа и серы становился всё сильнее.

Внезапно земля под ногами Алексея начала проваливаться с глухим рокотом, будто сама почва решила поглотить его. Он едва успел отпрыгнуть – из-под корней древних дубов вырвались цепи с шипами, покрытые рунами подавления магии. С лязгом они сомкнулись там, где он стоял мгновение назад, оставив в земле глубокую борозду.

«Магические капканы», – пронеслось в голове. Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок: ловушки были настроены именно на него – они активировались только в момент, когда его аура касалась триггерных рун, замаскированных под корни и мох.

Из тумана, клубившегося между деревьями, появились люди Шуйских в чёрных плащах с капюшонами. Их фигуры казались размытыми, почти нереальными, пока они не вышли на открытое пространство. Впереди шёл высокий маг с посохом, увенчанным алым кристаллом – именно он управлял капканами.

Один из нападавших взмахнул огненным кнутом – струя пламени пронеслась в сантиметре от лица Алексея, опалив брови и обдав жаром. Он отпрыгнул в сторону, перекатился за толстый ствол старого дуба и достал ритуальный кинжал. Лезвие слабо засветилось в ответ на его прикосновение – магия крови пробуждалась.

Ловушки активировались одна за другой с пугающей синхронностью – словно лес сам обернулся против Алексея, повинувшись чьей-то зловещей воле.

Сначала из земли с глухим хрустом вырвались земляные шипы – будто пробудились древние стражи подземелий. Они взметнулись стремительно, пронзая дерн и мох, острые, как копьё, с зазубренными краями, покрытые чёрной ржавчиной, которая казалась не просто следами времени, а следом какой-то ядовитой магии. Один шип пронёсся в сантиметре от голени, другой зацепил край плаща, разрывая ткань. Алексей отпрыгнул назад, едва успев избежать удара.

Не успел он перевести дух, как из тумана, клубившегося между деревьями, вылетели ледяные копьё. Они сверкали холодным голубым светом, будто скованные из лунного льда, и устремились к нему со всех сторон – сверху, сбоку, снизу, вырываясь даже из корней деревьев. Воздух наполнился свистом рассекаемого холода. Алексей пригнулся, перекатился вправо, затем влево – одно копьё задело плечо, оставив обжигающе-ледяной след, другое вонзилось в ствол дерева позади, покрыв кору изморозью.

Но опасность не закончилась. В тот миг, когда он попытался выпрямиться, пространство вокруг начало опутываться магическими сетями. Они возникали словно из ниоткуда – сотканые из мерцающих нитей, пульсирующих тусклым фиолетовым светом. Нити переплетались с туманом, вытягивались, сужали круг. Одна петля скользнула возле ноги, другая захлестнула воздух над головой. Алексей почувствовал, как магия сетей пытается пригвоздить его к земле, сковать движения. Он рванулся вперёд, выхватил ритуальный кинжал и с силой полоснул по ближайшей нити – раздался резкий треск, сеть зашипела, рассыпаясь искрами, но на её месте тут же возникла другая.

Он понимал: ловушки работают как единый механизм, реагируя на каждое его движение. Земляные шипы подталкивали к зоне поражения ледяных копий, те – загоняли под удар сетей.

Всё было просчитано, выверено, нацелено на то, чтобы измотать, лишить сил, поймать в безвыходную западню.

Собрав волю в кулак, Алексей сосредоточился, ощущая, как в жилах пробуждается магия крови. Ещё один рывок – он перепрыгнул через ряд шипов, нырнул под летящее копьё и, резко развернувшись, метнул в сторону ближайшей сети металлический диск с руной ослепления. Диск вспыхнул ослепительной белой вспышкой – сеть на мгновение замерла, теряя форму. Этого хватило, чтобы проскочить опасный участок и броситься вглубь леса, прочь от смертоносной ловушки.

Позади раздавался глухой рокот – земляные шипы втягивались обратно в почву, ледяные копья таяли, оставляя после себя лишь иней, а мерцающие нити сетей медленно растворялись в тумане. Но Алексей знал: это лишь первая волна. Следующие ловушки уже ждали его впереди.

Алексей уворачивался, прыгал, катался по земле, используя каждое дерево как укрытие. Он чувствовал, как магия рода пульсирует в венах, помогая реагировать быстрее, чем обычно. Но понимал: в одиночку против такой силы не выстоять. Особенно когда противники явно готовились к этой схватке неделями.

– Вперёд! – раздался резкий приказ.

Паровые кареты Шуйских выехали на просеку, блокируя путь. Массивные машины на гусеницах, изрыгающие дым и пар, с установленными на бортах магическими пушками – их стволы светились зловещим фиолетовым светом. Каждая карета была защищена бронёй с гравировкой защитных рун, а из труб вырывались клубы пара, создавая дополнительную завесу.

Из динамиков, установленных на передней карете, раздался голос Григория – холодный, расчётливый:

– Не сопротивляйся, Алексей! Сдавайся, и я сохраню тебе жизнь! Обещаю, что ты останешься невредим до дуэли.

Но Алексей знал цену этим обещаниям. Он помнил слова Марфы: «Шуйские не знают слова „мир“». Они хотели не просто победить – они хотели сломить его дух, заставить подчиниться, показать всем слабость рода Воронцовых.

Он быстро оценил ситуацию: впереди – паровые машины и маги, сзади – лес, полный ловушек, по бокам – деревья, но между ними уже стягивались сети. Нужно было действовать мгновенно.

Сосредоточившись, Алексей создал кратковременную иллюзию своего двойника. Магическая копия, почти неотличимая от оригинала, побежала влево, размахивая кинжалом и выкрикивая вызов. Преследователи открыли огонь: огненные кнуты хлестнули по двойнику, магические стрелы пронзили его – иллюзия развеялась с тихим хлопком, но дала Алексею драгоценные секунды.

В этот момент он бросился вправо, в гущу леса, где деревья стояли плотнее, а туман был гуще. Огненные кнуты свистели в воздухе, один задел плечо – острая боль пронзила тело, запах горелой ткани смешался с запахом серы и железа. Он стиснул зубы и побежал дальше, перепрыгивая через овраги, скользя по склонам, уворачиваясь от выстрелов паровых винтовок. Каждый выстрел сопровождался хлопком пара и яркой вспышкой.

Преследователи не отставали – их натиск становился всё яростнее, а атаки – изощреннее.

Маги, державшиеся позади основной группы, швыряли заклинания с пугающей точностью и скоростью. В сторону Алексея неслись шары пламени – оранжево-красные, с чёрными прожилками магической энергии, оставлявшие за собой дымные хвосты. Следом летели ледяные глыбы, мерцающие голубым светом: при ударе о деревья они разлетались на сотни острых осколков, которые продолжали лететь вперёд, словно шрапнель. А между ними проскальзывали сгустки тьмы – вязкие, почти осязаемые комки мрака, всасывающие свет вокруг себя и оставляющие после взрыва короткие вспышки антимагии, на мгновение подавляющие защитные чары Алексея.

Солдаты с паровыми винтовками не отставали: они бежали следом, ловко перепрыгивая через корни и поваленные стволы, перезаряжая оружие на ходу. С характерным шипением пар заполнял механизмы, и через мгновение раздавались резкие хлопки выстрелов. Пули, разогретые магией докрасна, свистели в воздухе, высекали искры из камней и деревьев, иногда задевая край плаща или царапая кожу. Алексей уворачивался, нырял за стволы, перекатывался – но понимал, что долго так не продержится: силы таяли, дыхание сбивалось, плечо горело всё сильнее.

А затем один из паровых карет Шуйских, тяжело переваливаясь на гусеницах, выпустил дымовую гранату. Раздался глухой хлопок – и густой чёрный дым начал заполнять лес. Он расползался волнами, окутывая деревья, скрывая очертания кустов и оврагов. Видимость упала до нескольких шагов: сквозь пелену проступали лишь смутные тени преследователей, вспышки заклинаний и отблески пара из механизмов винтовок. Воздух стал тяжёлым, пропитанным запахом гари и какой-то химической гадости – видимо, в дым добавили магический компонент, затрудняющий дыхание и притупляющий чувства.

Алексей закашлялся, прикрывая рот рукавом. Он на мгновение замер, пытаясь сориентироваться: слух обострился, улавливая каждый шорох. Где-то справа шипел паровой механизм, слева раздавался хруст веток под сапогами, а позади – низкий гул очередного заклинания, набирающего силу.

«Нужно уходить вглубь, к старым штольням, – мелькнула мысль. – Там дым не так опасен, а узкие проходы не дадут им использовать кареты». Он сделал глубокий вдох, собрал остатки сил и, пригнувшись, бросился вперёд, в самую гущу чёрного тумана, надеясь, что интуиция не подведёт и он успеет оторваться от погони, прежде чем враги возьмут его в кольцо.

В отчаянии Алексей активировал руну тени. Он прошептал формулу, провёл кинжалом по ладони, позволяя капле крови упасть на землю, и произнёс ключевое слово. На несколько секунд он полностью исчез из поля зрения, растворяясь в тенях деревьев. Его аура слилась с окружающей тьмой, а силуэт стал размытым, неуловимым.

Преследователи замерли, растерянно оглядываясь.

– Он исчез! – крикнул кто-то, голос дрожал от напряжения.

– Ищите магический след! – приказал Григорий. Его голос звучал жёстче, чем раньше.

– Он не мог уйти далеко! Активируйте детекторы!

Маги начали водить руками, создавая круги поиска – в воздухе замелькали голубые искры, вычерчивая траектории. Солдаты расходились веером, прочёсывая местность. Но Алексей уже был далеко – он скользил между деревьями, используя каждую тень, каждый куст как укрытие. Руна тени действовала всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы оторваться от основной группы.

Он прижался к стволу дерева, тяжело дыша. Плечо горело, кинжал был готов к новой схватке, а в голове билась одна мысль: «Нужно выжить. И найти способ вернуть преимущество». Туман вокруг сгущался, а вдалеке слышались крики преследователей – охота продолжалась.

Алексей бежал, пока силы не начали покидать его. Плечо горело от ожога, дыхание сбилось, в боку кололо так, будто туда вогнали нож. Каждый шаг давался всё тяжелее, ноги подкашивались, а туман вокруг становился гуще, затрудняя ориентирование. Он споткнулся о корень, едва не упал, но сумел удержать равновесие и, собрав остатки сил, прислонился к толстому стволу старого дуба.

Он прижался спиной к шершавой коре, пытаясь отдышаться. Сердце бешено колотилось, в ушах стоял гул, а перед глазами мелькали тёмные пятна. Алексей вытер пот со лба и прислушался. Погоня не прекращалась – где-то позади слышались крики преследователей, лязг металла, треск веток под тяжёлыми сапогами.

Вдруг он уловил другой звук – мягкий, почти бесшумный шаг за спиной. Алексей резко обернулся, выставив кинжал. Из тумана появилась фигура – незнакомец в маске лисы. Его плащ развевался, скрывая очертания фигуры, а глаза за прорезями маски сверкали холодным, почти нечеловеческим огнём. В руках он держал что-то тёмное, похожее на гранату.

– Я помогу, – произнёс незнакомец низким, бархатистым голосом, в котором звучала странная властность. – Но ты будешь должен.

Алексей замер, оценивая ситуацию. Перед ним стоял явно не простой человек: аура незнакомца пульсировала древней магией, а движения были слишком плавными, слишком выверенными для обычного человека. Но выбора не оставалось – преследователи были уже близко.

– Что ты хочешь взамен? – хрипло спросил Алексей, не опуская кинжал.

Чёрный Лис усмехнулся – или это только показалось в мерцающем свете?

– Время покажет, – ответил он. – Сейчас важнее выжить.

Не дожидаясь ответа, Лис бросил на землю чёрную гранату. Раздался резкий хлопок, и густой дым, чёрный как ночь, окутал лес. Он не просто скрывал – он искажал пространство: тени удлинились, звуки приглушались, а очертания деревьев расплывались. Алексей почувствовал, как воздух вокруг него стал плотнее, почти осязаемым.

– Беги к старой часовне, – бросил Лис, делая пасс рукой. – Там будет безопасно. Это древнее место, его магия не подвластна Шуйским.

Он развернулся к приближающимся преследователям и создал магический барьер – мерцающую стену из переплетённых рун. Она вспыхнула синим светом, преграждая путь врагам. Алексей услышал крики удивления и ярости – кто-то из Шуйских врезался в барьер и отлетел назад.

– У тебя минута, пока они найдут обход, – бросил Лис через плечо. – Беги!

Алексей не заставил себя уговаривать. Он оттолкнулся от дерева и бросился вглубь леса, ориентируясь на смутные очертания старой часовни – её купол едва проглядывал сквозь туман. Но бежал он не один: Чёрный Лис двигался рядом, скользя между деревьями с кошачьей грацией, то появляясь в поле зрения, то снова растворяясь в тумане.

Во время бегства Алексей заметил, как один из людей Шуйских, отставший от основной группы, что-то подбирает с земли. Сердце ёкнуло – это был древний амулет клана Воронцовых, символ власти и источник магической силы рода. Алексей неосторожно оставил его в лесу во время охоты, когда проверял магические следы, и теперь враг активировал артефакт.

Амулет пульсировал холодным синим светом в руке человека Шуйских. Тот поднял его высоко, и сияние усилилось, окутывая фигуру мага защитной аурой. Камень, вделанный в центр амулета – редкий лунный аметист – переливался всеми оттенками синего, создавая вокруг владельца мерцающий купол.

– Стой! – крикнул Алексей, бросаясь вперёд. Он уже сделал шаг в сторону врага, готовый ринуться в бой за реликвию рода.

Но Лис схватил его за руку железной хваткой, удержав на месте.

– Сейчас не время, – твёрдо произнёс он. – Ты им не поможешь. Один неверный шаг – и ты попадёшь в ловушку. Они этого и ждут: чтобы ты бросился за амулетом и угодил в засаду.

Алексей сжал кулаки, с болью глядя, как враг прячет амулет в кожаный мешочек на поясе. Он узнал одного из магов Шуйских – того самого, с посохом и алым кристаллом, который управлял капканами в начале погони.

– Они используют его против нас, – прошептал Алексей.

– Используют, – согласился Лис. – Но пока они тратят силы на активацию и настройку, у нас есть время. Бежим!

Они скрылись в чаще, а Алексей ещё долго слышал торжествующий смех врага, эхом разносившийся по лесу. В этом смехе звучало не просто ликование от удачи – в нём слышалась уверенность в победе, знание того, что род Воронцовых теперь ослаблен.

Они мчались по лесу, и Алексей замечал детали, которые раньше ускользали от внимания. Лис двигался стремительно и уверенно, словно знал каждый метр этой чащи – и, похоже, действительно знал. Алексей с изумлением наблюдал, как его спутник с лёгкостью обходит едва заметные следы магических ловушек: там, где тропа слегка мерцала фиолетовым отводом, Лис делал плавный полукруг; в местах, где земля казалась чуть более мягкой и податливой, он перепрыгивал или ступал по корневищам, не касаясь опасной зоны.

Мерцающие нити сигнальных заклинаний, протянутые между деревьями на уровне груди, пересекали путь то тут, то там – почти невидимые, если не знать, куда смотреть. Но Лис рассекал их лёгким движением руки: пальцы складывались в короткий жест, и тонкая линия магии распадалась без вспышки, без звука, будто её и не было. Алексей невольно задерживал дыхание каждый раз, когда они приближались к такой преграде, а Лис устранял её с небрежной лёгкостью мастера.

Ещё страннее выглядели тени. В густом лесу, где кроны почти не пропускали свет, тени должны были лежать плотными пятнами, но они словно расступались перед Лисом – не буквально, а как будто теряли плотность, становились прозрачнее, открывая путь там, где минуту назад казалась непролазная чаща. Казалось, сама магия леса подчинялась ему: кусты не цеплялись за одежду, ветви не хлестали по лицу, а тропа под ногами становилась чуть ровнее и твёрже.

Алексей чувствовал, как в груди нарастает смесь восхищения и тревоги. Он понимал: этот человек – или не совсем человек – владеет силами и знаниями, о которых Алексей мог только догадываться. И теперь он полностью зависел от воли и настроения своего загадочного проводника.

Один раз Алексей оглянулся и увидел, как преследователи прорвались через барьер. Магический щит рассыпался искрами, а солдаты Шуйских возобновили погоню.

– Они догоняют! – крикнул Алексей.

– Знаю, – коротко ответил Лис. – Держись.

Он резко остановился, поднял руку – и перед ними возникла арка из мерцающего света.

– Через неё, быстро! – приказал Лис.

Алексей без колебаний шагнул в сияние. На мгновение его окутала волна тепла, а затем он оказался на небольшой поляне. Впереди возвышалась старая часовня – полуразрушенная, с осыпавшейся штукатуркой, но в её очертаниях чувствовалась древняя сила. Камни стен слабо светились, а воздух вокруг был чище и свежее, чем в остальной части леса.

Чёрный Лис появился рядом почти сразу. Он обернулся к лесу, откуда доносились крики преследователей, и провёл рукой по воздуху. Туман вокруг часовни сгустился, образовав плотную завесу.

– Здесь они нас не найдут, – сказал он, поворачиваясь к Алексею. – По крайней мере, пока.

Алексей оперся на стену часовни, пытаясь восстановить дыхание. Плечо всё ещё горело, но теперь он чувствовал себя в относительной безопасности. Он поднял взгляд на своего спасителя:

– Почему ты помог мне? – спросил он прямо. – Ты мог просто пройти мимо.

Чёрный Лис помолчал, потом тихо ответил:

– У нас с Шуйскими свои счёты. И я вижу в тебе потенциал, Алексей Воронцов. Но помни: я помог не из доброты. Ты действительно будешь должен.

Он отступил на шаг, и его фигура начала растворяться в тумане.

– Мы ещё встретимся, – донёлся до Алексея его голос, уже едва слышный. – Когда придёт время платы.

Фигура Лиса исчезла, оставив после себя лишь лёгкое мерцание в воздухе. Алексей остался один у старой часовни, понимая, что только что заключил сделку с кем-то, чьи мотивы оставались для него загадкой. Но сейчас главное было другое: он выжил. И теперь мог готовиться к следующему ходу в этой опасной игре.

Глава 7. «Союзник из тени»

Алексей сидел в кабинете отца, окружённый стопками старых книг и свитков. Лунный свет пробивался сквозь витражное окно, раскрашивая пол в синие и фиолетовые тона. Он перелистывал страницы дневника отца – пожелтевшие листы с аккуратным почерком, испещрённые пометками на полях и схемами магических кругов.

В очередной раз пробегая глазами по строкам, он замер на фразе: «Тень Аквилона пробуждается. Совет готовит ритуал. Они знают о памяти Алексея». Пальцы невольно сжались, оставив на бумаге складку. Что это значит – «память Алексея»? Он никогда не обсуждал с отцом ничего подобного.

Внезапно воздух в комнате сгустился. Пламя свечей замерло, не колеблясь, хотя из приоткрытого окна тянуло сквозняком. На столе, там, где только что была пустота, лежал тонкий конверт из чёрной бумаги с печатью в виде лисьей морды. Печать мерцала тусклым серебристым светом, словно сотканная из лунных лучей.

Алексей медленно протянул руку. Как только пальцы коснулись бумаги, по коже пробежали мурашки – конверт был холодным, почти ледяным. Печать при прикосновении вспыхнула ярче, затем растаяла дымкой. Внутри оказалась одна полоска пергамента с выгравированными рунами. При взгляде на них буквы начали двигаться, складываясь в послание:

«Каменоломня на восточной окраине Нового Аквилона. Полночь. Приходи один. Если хочешь узнать правду о смерти отца и судьбе амулета – не опаздывай. Лис».

Руны на пергаменте продолжали мерцать, создавая вокруг себя едва заметное поле магической энергии. Алексей поднёс лист ближе к свече – и вдруг увидел, как из бумаги вырвался тонкий серебристый дымок, принявший форму лисьей головы. Глаза призрачного создания сверкнули, и раздался голос Лиса, будто прозвучавший прямо в сознании:

– Время работает против нас, Алексей Воронцов. Тайный совет уже знает, что ты ищешь. Приходи на встречу – или потеряешь всё.

Дымок растаял, оставив после себя запах лаванды и озона. Пергамент в руках Алексея начал растворяться, превращаясь в горсть серебристой пыли, которая осела на стол, а затем исчезла без следа.

Алексей добрался до заброшенной каменоломни на окраине Нового Аквилона ближе к полуночи. Лунный свет едва

пробивался сквозь кроны старых елей, отбрасывая на землю причудливые тени. Он остановился у тёмного провала входа – некогда здесь добывали мрамор для городских построек, но уже много лет штольни были заброшены.

Воздух здесь был густым, пропитанным сыростью и запахом древности. Стены, поросшие мхом и лишайником, хранили следы былого величия – остатки резных орнаментов, наполовину стёртые временем. Алексей зажёл магическую свечу: её бледно-голубое свечение выхватило из темноты следы чьих-то ног на пыльном полу.

Он осторожно спустился по осыпающимся ступеням, прислушиваясь к эху собственных шагов и далёким звукам города наверху. Тоннели разветвлялись, уводя вглубь земли. Алексей шёл, считая повороты – три направо, два налево, как было сказано в записке Лиса.

Алексей спустился в штольню точно в полночь. Туман здесь был гуще, чем наверху, и клубился у ног, будто живой. Он зажёл магическую свечу – её бледно-голубое свечение выхватило из темноты следы чьих-то ног на пыльном полу.

– Ты пришёл, – раздался низкий голос из тени.

Из тумана выступила фигура Чёрного Лиса. Он стоял в трёх шагах от Алексея, не снимая маски. Глаза за прорезями светились холодным, почти нечеловеческим светом. Плащ незна-

комца мерцал, словно сотканный из тысяч крошечных звёзд, и плавно колыхался, хотя в тоннеле не было ветра.

– Зачем ты назначил встречу в этом месте? – спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. – И как ты узнал о дневнике моего отца?

Лис сделал шаг вперёд. Туман расступился перед ним, образуя ровный круг диаметром в несколько метров.

– Я знаю многое, Алексей Воронцов, – произнёс Лис. – Знаю о «Тени Аквилона» и о том, что твой отец пытался раскрыть тайну Тайного совета. Он был близок к разгадке, но его остановили.

– Что ты знаешь о моём отце? – глухо спросил Алексей. – Говори прямо.

– Достаточно, чтобы помочь тебе. Но сначала – условия сделки.

Лис остановился в трёх шагах от Алексея. Его фигура казалась нереальной в мерцающем свете свечи.

– Я предоставлю информацию о местонахождении амулета, похищенного Шуйскими, в обмен на доступ к библиотеке Воронцовых.

Алексей замер. Библиотека рода хранила древние знания, некоторые из которых могли быть опасны в чужих руках.

– Почему именно библиотека? Что ты ищешь?

– Знания, – просто ответил Лис. – Те, что помогут остановить Тайный совет. Без амулета твой род слабнет. А без знаний – ты слеп.

Они долго смотрели друг на друга. Алексей понимал, что выбора почти нет: без амулета защитные чары усадьбы ослабеют, а магия крови потеряет силу.

– Хорошо, – наконец произнёс он. – Но ты получишь доступ только к определённым разделам. Никаких древних ритуалов пробуждения и запретных книг.

Лис склонил голову:

– Принято. Теперь слушай внимательно.

Он сделал пасс рукой, и воздух вокруг сгустился, наполняясь магической энергией.

– Тайный совет – это организация архимагов, стремящихся подчинить все кланы через пробуждение древнего духа. Они разжигают конфликты между родами, чтобы ослабить их. Твой отец узнал об их планах и пытался помешать. Он собирал доказательства, вёл дневник...

– «Тень Аквилона», – прошептал Алексей. – Ты говорил, что это связано с духом?

– Да. Это артефакт, который может как помочь пробудить дух, так и уничтожить его. Твой отец был близок к разгадке, но его остановили.

Лис замолчал, и в тишине было слышно только потрескивание свечи. Затем он произнёс:

– Чтобы ты поверил мне, я покажу тебе правду.

Он поднял руки, и перед Алексеем развернулась иллюзия. Воздух дрогнул, заискрился, и он увидел сцену из прошлого: его отец стоит перед алтарём в древнем зале, окружённый магами в капюшонах. Они читают заклинание, воздух дрожит от энергии. Отец пытается сопротивляться, использует магию крови, но силы неравны. Вспышка света – и он исчезает, будто растворяется в воздухе.

Алексей почувствовал холод того дня, услышал последние слова отца: «Они не должны пробудить его...»

Иллюзия исчезла так же внезапно, как появилась. Алексей стоял, тяжело дыша, сжимая кулаки.

– Это произошло три года назад, – тихо произнёс Лис. – И они знают, что ты помнишь.

– Помню что? – Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Твою прошлую жизнь. Способность помнить прошлые воплощения крайне редка и ценна. Совет хочет либо использовать тебя, либо уничтожить. Они будут пытаться пробудить твою память насильно, через боль или магию. Не поддавайся.

Алексей сжал рукоять кинжала.

– Почему я должен тебе верить? Ты появляешься из ниоткуда, требуешь доступа к библиотеке рода... Кто ты такой, чтобы диктовать условия?

Лис усмехнулся – или это только показалось в мерцающем свете свечи.

– Библиотека Воронцовых хранит знания, которые могут остановить Совет. В ней есть записи о древних защитных ритуалах, о способах запечатать «Тень». Но я не смогу их найти без твоего разрешения.

Он поднял руку, и в воздухе между пальцами заплясали крошечные синие искры.

– Видишь эти искры? Это частицы магии твоего отца. Я собрал их с места его гибели. Они ведут меня, как компас. Но чтобы расшифровать их послание, мне нужны знания из вашей библиотеки.

– А что получишь ты? – настороженно спросил Алексей. – Ты помогаешь не из доброты.

– Справедливый вопрос, – кивнул Лис. – Я хочу остановить Совет. Мой род тоже пал жертвой их интриг. Они уничтожили всех, кто знал правду о «Тени». Теперь я один. И я устал бежать.

Он сделал ещё шаг вперёд.

– Послушай, Алексей. Твой отец не успел закончить начатое. Он оставил тебе ключ – не только к библиотеке, но и к собственной памяти. Ты помнишь прошлую жизнь, пусть и фрагментами. Совет знает об этом. Они будут пытаться пробудить твою память насильно – через боль, через магию. Не поддавайся. Используй знания Воронцовых, чтобы защитить себя.

Алексей молчал, обдумывая слова Лиса. В глубине души он понимал: выбора почти нет. Без амулета защитные чары усадьбы ослабеют. Без знаний из библиотеки он не сможет противостоять Совету.

Лис склонил голову:

– Теперь слушай внимательно. Амулет находится в старом особняке Шуйских на северной окраине города. Но будь осторожен – там расставлены ловушки. Я дам тебе маяк, который поможет найти путь к «Тени Аквилона».

Он протянул небольшой артефакт – гладкий чёрный камень с гравировкой в виде спирали. Камень слабо пульсировал, излучая едва заметное тепло.

– Этот маяк укажет дорогу. Но помни: Совет следит. Доверься своей магии крови, Алексей. Она – твоё главное оружие.

Фигура Лиса начала растворяться в тумане, становясь всё более прозрачной.

– Подожди! – воскликнул Алексей. – Кто ты? Почему помогаешь мне?

– Потому что мы оба стоим на пути Тайного совета, – донёсся уже едва слышный голос. – И либо мы остановим их вместе, либо падём поодиночке.

Остался лишь лёгкий запах лаванды и мерцание в воздухе – напоминание о том, что встреча действительно состоялась.

Алексей поднялся наверх. Рассвет уже занимался над городом, рассеивая ночной туман. Он посмотрел на восток, где небо окрашивалось в розовые и золотые тона, и глубоко вдохнул свежий утренний воздух.

Мысли крутились в голове: можно ли доверять Лису? Что он выиграет от доступа к библиотеке? Как спасти род и остановить Тайный совет?

Он сжал в руке маяк, чувствуя, как тот слегка пульсирует в ответ. Решение было принято. Теперь нужно действовать – осторожно, расчётливо, используя все доступные средства.

«Чтобы спасти род, мне придётся стать тем, кем я был раньше... или кем стану», – подумал Алексей, направляясь к дороге, ведущей в город.

За его спиной катакомбы молчали, храня свои тайны. А впереди ждали новые испытания – более опасные, чем всё, с чем он сталкивался раньше. Но теперь он знал: борьба кланов – лишь часть большой игры, и ставки в ней куда выше, чем судьба одного рода.

Глава 8. «Танец с Анастасией»

Утро перед балом в усадьбе Воронцовых выдалось суетливым и напряжённым. Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь тяжёлые бархатные шторы, осветили пыль, кружащуюся в воздухе, – даже магия чистоты не успевала за масштабом приготовлений. Слуги сновали по коридорам, словно пчёлы в улье: одни полировали бронзовые светильники до зеркального блеска, другие расставляли свежие цветы в высоких вазах – белые лилии и алые розы, символы рода.

Алексей стоял у окна кабинета отца и наблюдал за приготовлениями. Взгляд невольно задержался на дворовых: внизу, у главного входа, двое слуг тщательно чистили герб рода на фасаде – древний символ Воронцовых с изображением ворона, распростёршего крылья над магическим кругом. Один из слуг, пожилой Игнат, работал особенно усердно, протирая каждую линию резного узора мягкой тканью. Второй, молодой парнишка лет пятнадцати, держал ведро с особым составом для очистки магических символов – жидкость мерцала серебристым светом и слегка потрескивала.

Воздух был наполнен запахами: воска от натираемых полов, лаванды из мешочков, которые раскладывали по шкафам, и едва уловимым ароматом магии – защитным заклинанием, которое экономка Аграфена обновляла каждое утро.

– Мы ещё покажем им, молодой господин, – раздался за спиной голос экономки Аграфены. Она подошла неслышно, как всегда, и теперь стояла рядом, сложив руки перед собой. Её седые волосы были аккуратно убраны под чепец, а тёмное платье с вышивкой по воротнику выглядело безупречно, несмотря на раннюю суету.

Аграфена приблизилась к Алексею и взялась за манжеты его камзола. Движения её были плавными и точными – годами отточенный ритуал подготовки наследника к важному событию. Кончиками пальцев она расправила каждую складку ткани, убедилась, что вышивка с родовыми рунами лежит ровно и не перекрутилась. Затем аккуратно поправила манжеты, слегка оттянув их вниз, чтобы они идеально облегли запястья, и разгладила невидимые морщинки у застёжек.

– Воронцовы не склоняют головы перед угрозами, – повторила она твёрдо, и в её глазах вспыхнул огонь, который редко можно было увидеть у этой степенной женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.